

Новое
в жизни,
науке,
технике

ЗНАНИЕ

Подписная
научно-
популярная
серия

5'91

Теория и практика социализма

А.В.Чудинов
У ИСТОКОВ
РЕВОЛЮЦИОННОГО
УТОПИЗМА

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛИЗМА

5/1991

Издается ежемесячно с 1967 г.

А. В. Чудинов,
кандидат исторических наук

У ИСТОКОВ РЕВОЛЮЦИОННОГО УТОПИЗМА

(ИЗ ЦИКЛА "ИСТОРИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ")

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗНАНИЕ" 1991

ББК 66.02

Ч-84

Автор: Александр Викторович ЧУДИНОВ—кандидат исторических наук.

Редактор: *БЫСТРОВ В. Р*

Чудинов А. В.

Ч-84 У истоков революционного утопизма (Из цикла "История социалистических учений"). — М.: Знание, 1991. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. "Теория и практика социализма"; № 5).

ISBN 5-07-001944-9

40 к.

Когда и как в социально-политической мысли Европы появилось представление о возможности насильственным путем установить совершенный общественный строй по умозрительно разработанному проекту? В поисках ответа на этот вопрос автор настоящей работы обращается к истории философских идей эпохи Просвещения и Великой французской революции. Читатель имеет возможность познакомиться с рядом утопических проектов, созданных в XVIII в., узнать о событиях, связанных с попытками реализации некоторых из них.

0301050000

ISBN 5-07-001944-9

ББК 66.02

© Чудинов А. В., 1991 г

Нет ничего более злого, чем стремление осуществить во что бы то ни стало благо.

Н. А. БЕРДЯЕВ

К ЧИТАТЕЛЮ

“Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма”—эти слова из “Коммунистического манифеста” известны каждому из нас со школьной скамьи. Но много ли мы знаем о том, когда сей призрак начал свой огненный путь, отмеченный и в нашем, и в прошлом веке пожарами революций и гражданских войн? Просматривая современную публицистику, я с огорчением замечаю, что авторы большинства работ, пытаясь отыскать истоки кризиса, в который завела страну утопическая идеология грядущего пришествия коммунизма, крайне редко углубляются в прошлое дальше отметки 1917 г. Те же, кто осмеливается на более продолжительное путешествие по времени, останавливаются, как правило, примерно на середине XIX в., не в силах отвести глаз от исполинских фигур Маркса и Энгельса и увидеть за ними особенности той эпохи, что вызвала к жизни феномен революционного коммунизма.

Однако даже при беглом ознакомлении с фактами нетрудно убедиться, что далеко не Маркс с Энгельсом выпустили на свободу этот призрак. Когда юные еще “основоположники” только выходили на арену общественной деятельности, коммунистические идеи уже занимали умы тысяч их современников, а различного рода коммунистические ассоциации уже успели стать неотъемлемой чертой политической жизни ряда стран Европы. Так, Союз коммунистов, первая политическая организация, в которую вступили Маркс и Энгельс и для которой они в 1848 г. написали свой знаменитый “Манифест”, существовал к тому времени уже больше десяти лет под названием “Союз справедливых”. Последний образовался в результате раскола Союза отверженных, который, в свою очередь, являлся прямым наследником Немецкого народного союза. Все эти ассоциации, объединявшие революционных эмигрантов из Германии, возникли в Париже и находились как идеологически, так и организационно в тесной связи с французскими

гайными обществами неоякобинского и необабувистского толка. А те вели свою родословную еще от Великой французской революции и считали себя продолжателями традиций диктатуры Робеспьера и заговора Бабёфа, представлявших собой две попытки воплощения в жизнь при помощи насилия утопических идеалов философии Просвещения. Даже столь быстрое прохождение по цепочке показывает, сколь глубоко уходят корни революционно-коммунистической идеологии.

В этом очерке, уважаемый читатель, мы отправимся в XVIII век, чтобы вместе проследить, как складывалось, развивалось и овладевало умами все большего числа людей представление о возможности одним рывком достичь "разумного" социального устройства, построив на руинах реально существующего общества новое, лишенное противоречий и отвечающее требованиям "здорового смысла". И конечно же, мы посмотрим, что из этого получилось*.

СЛЕПЯЩИЙ СВЕТ РАЗУМА

Восемнадцатое столетие вошло в историю Европы и Америки как век Просвещения. Титулом этим оно обязано блестящей плеяде философов, провозгласивших всесилье человеческого разума и нанеших смертельный удар суевериям и предрассудкам — мрачному наследию средневековья. Борьба эта была нелегкой и опасной. Духовная власть церкви опиралась на политическую силу государства. Книги просветителей нередко сжигались, авторы подвергались преследованиям. Однако новые идеи постепенно получали все более широкое распространение в образованных слоях общества. Вольнодумство входило в моду. И во второй половине века даже могущественные монархи уже считали за честь поддерживать дружественные отношения с некогда опальными мыслителями. Освобождение разума от пут обскурантизма способствовало быстрому прогрессу наук и искусств. В странах, где просвещение достигло наибольших успехов, имели также место выдающиеся открытия математиков, астрономов, физиков и химиков, развива

* Напоминаем читателям, что публикация книжек серии не означает обязательно полного совпадения точки зрения редакции и позиций авторов по тем или иным вопросам. — *Ред.*

лись литература и живопись, архитектура и музыка. Часто это время сравнивали с весной: казалось, что под яркими лучами солнца Разума человечество просыпается от долгой спячки суровой зимы средневековья...

Замечательные достижения века Просвещения ныне хорошо известны. Нет, наверное, ни одной исторической книги о той эпохе, где бы не упоминалось о них. Гораздо реже в научной литературе говорится о другой, не менее значимой стороне духовной жизни XVIII столетия, а именно о последствиях подрыва философами основ христианского мировосприятия. Дело в том, что большинство просветителей, борясь с суевериями и религиозным фанатизмом, не ограничивались ударами по этим основам человеческой мысли. Чаще всего в своей критике философы шли гораздо дальше, подвергая сомнению ценность христианства вообще. Война фактически шла не столько против того, что было в религии отжившим и омертвевшим, сколько против самой религии.

"Патриарх" Просвещения и признанный глава "республики философов", великий гуманист и злой насмешник Вольтер, призывая своего друга и единомышленника д'Аламбера обрушиться на католичество, писал: "Я желал бы, чтобы вы раздавили гадину.. вот главная задача". А ведь Вольтер вовсе не был сторонником атеизма и считал, что сам-то он сражается лишь за очищение религии от суеверий. Однако его призыв "раздавить гадину" стал в те годы воистину боевым кличем врагов христианства. Что же касается философов, откровенно исповедовавших атеизм, то их нападки на веру были еще более последовательными и систематичными. Французский врач, биолог и мыслитель Ламетри рассуждал так: "Верно, конечно, что природа и человеческий разум, просвещенные философией, и религия, поддерживаемая и как бы подпираемая моралью и политикой, по самому своему существу созданы, чтобы вечно находиться в войне". Естественно, себя Ламетри относил к приверженцам разума.

Знаменитый философ и талантливый писатель Дидро, выпускавший вместе с д'Аламбером "Энциклопедию" — выдающийся памятник просветительского вольнодумства, не раз высказывался о христианстве с ядовитым сарказмом. "Если разум — дар неба и если то же самое можно сказать о вере, значит, небо ниспослало нам два дара, которые несовместимы и противоречат друг другу.

Чтобы устранить эту трудность, надо признать, что вера есть христический принцип, не существующий в природе".

Эти непрекращающиеся нападки на религию постепенно достигали своей цели, ведя к подрыву основ христианского миропонимания, что было чревато самыми серьезными последствиями. Христианство давало человеку возможность целостного восприятия земной жизни во всей ее сложности и противоречивости. Земной мир, согласно христианскому вероучению, находится между двумя противоположностями — преисподней и Царством Небесным, соприкасаясь, но не сливаясь с ними. Поэтому Добро и Зло, святость и грех, добродетель и порок сосуществуют здесь друг с другом, переплетаясь порой самым неожиданным образом. Бог, говорится в Новом завете, "повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных" (Матф. 5. 45) Мудрый христианский богослов Аврелий Августин посвятил немало прекрасных строк объяснению этого удивительного сочетания добрых и злых начал в земной жизни, отмечая их неразрывность и взаимообусловленность: "Самые яды, пагубные при неадекватном употреблении, обращаются в спасительные лекарства при соответствующем употреблении их, и наоборот, те самые вещи, которые доставляют удовольствие, могут оказаться вредными при неумеренном и неблагоприятном пользовании ими. Этим божественное провидение учит нас не порицать безрассудно вещи, но прилежно извлекать пользу их.. " И еще: "Как взаимное сопоставление противоположностей придаст красоту речи, так из сопоставления противоположностей, из своего рода красноречия не слов, а вещей образуется красота мира"

Разделить окончательно Добро и Зло люди не в состоянии, ибо это, согласно христианскому миропониманию, по силам только Творцу. Знание людьми бесконечного и изменяющегося мира настолько несовершенно, что если они попробуют по своему разумению существенно изменить мировой порядок, то нарушат его гармонию и даже при наилучших побуждениях неизбежно нанесут больше вреда, чем исправят. В Новом завете эта мысль, пожалуй, наиболее ярко изложена в известной притче Христа о сеятеле. Кратко напомним ее содержание. Человек посеял пшеницу, но, едва наступила ночь, его враг на том же поле посеял плевелы (сорную траву). Когда появились всходы, рабы хозяина поля

предложили выколоть сорняки. "но он сказал нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы (выделено мной. — А. Ч.); оставьте расти вместе то и другое до жатвы..." (Матф 13. 29—30) Раскрывая далее смысл притчи, Христос объясняет: "Сеющий доброе семя есть Сын Человеческий. (Христос — А. Ч.); поле есть мир; доброе семя, это — сыны Царствия (праведники. — А. Ч.), а плевелы — сыны лукавого; враг, появивший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему, как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего. Пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие..." (Матф. 13. 37—41)

Эта евангельская притча выражает один из важнейших принципов христианского отношения к земной жизни — необходимость смирения или, иными словами, реалистической оценки возможностей человека. В социальной жизни такой взгляд на вещи избавлял людей от опасной иллюзии, что им по силам установить абсолютно совершенный строй, полностью лишенный противоречий и недостатков. Не зная всего того множества скрытых пружин, что определяют ход истории (такое знание — удел одного лишь Бога), люди не должны пытаться изменить на свой лад работу столь тонкого и сложного механизма, как общество. "Хотя и есть нечто, что Он (Бог — А. Ч.) соблаговолил открыть нам,—писал Августин,—однако для нас было бы чересчур и слишком превзошло бы силы наши, если бы вздумали исследовать тайны человеческие и подвергать решительному обсуждению за слуги и проступки царств".

Такая позиция отнюдь не предполагала пассивного и безразличного отношения к земной жизни. Христианская мораль по сути своей направлена именно на ее совершенствование путем внутреннего преобразования самих людей и соответственно отношений между ними. Путь в Царство Небесное открывается лишь тому, кто творит добро ближним своим. Вспомним бессмертные слова Нагорной проповеди: "Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное" (Матф. 5

6 10) Христианство давало верующему силу для преодоления пороков и несовершенства земного мира и в то же время вооружало его терпением, ибо подлинное улучшение жизни возможно лишь в результате непрестанных усилий длинного ряда сменяющих друг друга поколений.

Действительно, на протяжении веков дух христианства постепенно смягчал нравы, делая общество все более человечным. Разумеется, истории известно также немало случаев, когда терпение людей, задавленных тяготами жизни, истощало. Веныхивали бунты, жестокие и бессмысленные в своем разрушительном порыве. Временами они сочетались с той или иной формой ереси, обещавшей скорое установление на земле Тысячелетнего Царства Христова. Горели дома и замки, лилась кровь, гибли люди. Но рано или поздно иллюзия рассеивалась, как дым над пожарищем. Оставались лишь свежие могилы, остывающие пенелница да заброшенные нивы. Реальные условия жизни после этого становились еще хуже. Общество либо задерживалось в своем развитии, либо оказывалось даже отброшенным назад.

Нельзя, впрочем, не упомянуть и о том, что в течение столетий живой дух христианства с большим трудом пробивался сквозь уродливые наслонения мертвящей схоластики и диких суеверий. Чужды были ему и такие исторические реалии, как светская власть церкви, религиозная нетерпимость, жестокие преследования инаковерующих. В силу этих и некоторых других факторов социальный реализм, присущий христианскому видению мира, к началу XVIII в. получил далеко не полное отражение в общественной мысли.

Казалось бы, война просветителей с предрассудками и религиозным фанатизмом должна была высвободить творческий дух христианства, способный оплодотворить философскую мысль в ее поисках наилучшего социального устройства. Однако столь счастливый союз осуществился в творчестве лишь очень немногих мыслителей Просвещения. Первым среди них, безусловно, надо назвать великого Монтескье, чье учение отличалось от большинства социально-политических теорий того времени ярко выраженным историзмом и реалистическим взглядом на возможности людей преобразовывать общество. Монтескье рассматривал каждое государство как продукт длительного развития в соответствии с объек-

тивными, не зависящими от человеческой воли законами (он называл их Божественными). Конечно, люди, считал он, имеют определенную свободу действий, но, чтобы преуспеть, нельзя поступать вопреки этим общим закономерностям. Монтескье также утверждал, что невозможно создать абсолютно совершенное общество, полностью избавленное от пороков. Наилучшим, по его мнению, следует признать тот строй, где недостатки и слабости взаимно уравновешивают друг друга. Причем такое состояние не может продолжаться вечно, и любое, даже самое хорошее, государственное устройство рано или поздно найдет свою гибель, либо должно будет претерпеть серьезные изменения, когда это равновесие нарушится. "Все человеческое имеет конец, и государство, о котором мы говорим, утратит свою свободу и погибнет, как погибли Рим, Лакедемон и Карфаген." — писал Монтескье об Англии, чей строй он признавал наилучшим из существовавших в его время. Стоит подчеркнуть, что, резко осуждая религиозную нетерпимость, суеверия, пороки церкви, Монтескье никогда не ставил под сомнение ценность самой христианской религии.

К сожалению, большинству просветителей был чужд такой взгляд на вещи. Дидро откровенно признавал: "Мне не нравится это вздорное различие между религией Иисуса Христа и религией священника. Фактически это одно и то же". Используемые в борьбе с религией приемы были до предела просты. Хорошо известно, что постижение образных и многоплановых по смыслу текстов Священного писания требует глубокого проникновения и прочувствованного, насыщенного эмоциями переживания. "Темнота божественной речи, — объяснял Блаженный Августин, — полезна в том отношении, что она приводит к весьма многим суждениям и вводит в свет знания, когда один понимает ее так, другой иначе". Просветители же подвергли библейские сюжеты плоскому, буквальному толкованию, доводя его таким образом до логического абсурда. Опьяненные обманчивым ощущением вседозволенности и собственного превосходства над "невежественными христопоклонниками", они нередко просто глумились над тем, что искренне почиталось многими поколениями их предков. "Все ваши непреложные догмы: ваш Бог в трех лицах, ваши злые ангелы, которые восстают против своего творца и пытаются свергнуть его с трона; ваша Ева, созданная из ребра Адама; ваша пресвятая Дева, кото-

рую посещают молодой человек и голубь, и которая беременеет, но не от молодого человека, а от птицы; пресвятая Дева, которая родит и остается девственницей; этот Бог, который умирает на кресте, чтобы умиловать Бога, а затем воскресает и возносится на небо... Все это один и тот же бред", — дерзко заявлял Дидро.

Бог философами Просвещения или совсем отрицался, как, например, в произведениях того же Дидро, Ламетри, Гельвеция, Гольбаха, или признавался в качестве исполнителя какой-либо сугубо утилитарной частной функции. Так, Вольтер считал необходимым сохранить идею Бога, чтобы удерживать чернь от посягательств на жизнь и имущество собственников "Большое общество, — писал он, — состоящее из людей грубых, невежд, бедных и корыстных, каковы 90 из 100 частей рода человеческого, такое общество не может держаться без законов и без Бога" Руссо в знаменитом трактате "Об общественном договоре" предлагал законодателю использовать религиозную веру толпы, дабы придать видимость божественной санкции вводимым им нормам права. Конечно же, при таком подходе от Бога христиан не оставалось практически ничего.

На развалинах христианства философы возводили храм веры в неограниченные возможности человеческого разума — этого, по словам Вольтера, "единственного светоча" — и курили фимиам идеальной и беспорочной естественной сущности человека. Отказ от христианского смирения, от понимания ограниченности человеческих возможностей в преобразовании мира лишал философов верных ориентиров в их поисках наилучшего устройства общества. Если сила разума безгранична, то разве нельзя создать чисто умозрительным способом такой план идеального строя, который начисто был бы лишен каких-либо недостатков, ибо полностью отвечал бы требованиям здравого смысла? Возникал непреодолимый соблазн испробовать свои силы на этом поприще и хотя бы мысленно попытаться встать вровень со Всевышним, Творцом Вселенной. Поэтёму нет ничего удивительного в том, что век Разума стал временем расцвета социального утопизма. Виднейшие философы эпохи и множество менее известных авторов словно соревновались между собой, кто создаст более "разумную" схему совершенного устройства общества. О некоторых из этих проектов речь пойдет ниже.

ЗАГАДКА МОРЕЛЛИ

В 1753 г. в Голландии была издана поэма "Базилиада", принадлежавшая, как сообщалось на титульном листе, перу знаменитого индийского мудреца Пильпай и переведенная на французский язык неким М*****. Указание на авторство полуполюгендарного поэта Древней Индии едва ли могло ввести кого-нибудь в заблуждение. Литераторы тогда довольно часто прибегали к мистификации, и если не хотели брать на себя ответственность за высказанные в произведении мысли, то приписывали его какому-либо вымышленному лицу, упоминая о себе в лучшем случае как об издателе или переводчике. Это означало, что в соответствии с данным неписанным правилом творцом "Базилиады" следовало считать таинственного М*****.

В поэме описывалось идеальное устройство общества, якобы установленного в некой восточной стране. Это—монархия, управляемая мудрым государем. В основу социального строя положен принцип общественной собственности. "Беспощадная частная собственность, мать всех преступлений, которыми полон остальной мир, была неизвестна этому народу". Коллективный и обязательный для каждого гражданина труд полностью преобразил природу, до неузнаваемости изменив ее естественный облик. "Они прорыли скалы, сравнивали горы, засыпали долины или смело перебросили через них мосты... Извилистое течение рек выравнивается посредством плотин; для осушения болотистых мест и превращения их в плодородные поля, для орошения бесплодных равнин роют каналы, строят акведуки, бассейны, фонтаны". Земля, превращенная в цветущий рукотворный сад,—это, по мнению автора поэмы, убедительное свидетельство беспредельных возможностей человеческого разума.

"Базилиада" не стала заметным событием литературной жизни. На общем фоне многочисленных утопий она не выделялась ни красотой слога, ни особой оригинальностью мысли. Широкая публика отнеслась к ней весьма прохладно. Отзывы критиков были в основном отрицательными. Но в 1755 г. тоже в Голландии и тоже на французском языке появился анонимный трактат "Кодекс природы, или истинный дух ее законов", автор которого взялся систематизировать философские идеи "Базилиады", освободив их от покровов поэзии. Ключевая мысль трактата состояла в том, что

царящий в природе порядок изначально разумен и что людям, желающим социального совершенства, необходимо постичь законы природы, дабы привести в соответствие с ними общество. Естественному порядку автор противопоставлял жизнь своих современников, страдающих от социальных пороков, моральной испорченности и пагубных страстей. Объясняя, как человечество дошло до столь печального состояния, он предлагал читателям свою выведенную рационалистическим путем версию перехода от естественного состояния к общественному. В целом она выглядела так:

Некогда люди жили большими патриархальными семьями, в которых вся собственность была общей. В дальнейшем рост населения вызвал необходимость освоения новых мест. Вынужденные перемещения ослабили узы кровного родства и "дух общности" между отдельными семьями и внутри их. Начались раздоры и смуты. Тогда устав от насилий, люди согласились подчиниться законам и обратились за помощью к тем, кого считали мудрецами. Но законодатели, находясь, как и их соплеменники, во власти невежества и заблуждений, лишь ухудшили ситуацию, закрепив правовыми нормами то состояние разобщенности, от которого хотели уйти их народы. "Эти поводыри, столь же слепые, как те, кого они брались вести, угасили все мотивы к взаимному расположению, необходимые для объединения сил человеческих" — сетовал автор "Кодекса". Главное зло, которое незадачливые законотворцы увековечили своими постановлениями, — частная собственность. Она вызывает бесчисленные столкновения между отдельными членами общества, пробуждает в них самые отвратительные качества: алчность, тщеславие, эгоизм, корысть. "Могла ли бы эта всеобщая чума — частный интерес, эта изнурительная лихорадка, эта губительная болезнь всякого общества — могла ли бы она привиться там, где она никогда не находила бы не только пищи, но и никакого опасного возбудителя? Я думаю, что никто не станет спорить против очевидности следующего положения: там, где не было бы никакой собственности, не могло бы существовать ни одно из ее пагубных последствий", — говорилось в трактате.

Эта умозрительная схема, созданная усилиями "чистого разума", и не опиравшаяся на реальные исторические факты — весьма характерный пример теоретического творчества философов-рационалистов в век Просвещения. Столь же обычным для того времени

был и предложенный автором способ перехода к идеальному устройству общества. Панацеей от социальных зол создатель "Кодекса" видел в борьбе с неведением, мешающим постичь простые и справедливые законы природы. Главную роль в столь благородном деле он отводил мудрым философам, уже успевшим познать истину. "Исправьте недостатки политики и морали согласно законам природы, — писал он — Чтобы успеть в этом, предоставьте сначала истинным мудрецам полную свободу бороться с заблуждениями и предрассудками, поддерживающими дух собственности, когда это чудовище будет низвергнуто, постарайтесь воспитанием укрепить эту счастливую реформу"

Если законы природы станут наконец достоянием человечества, останется только преобразовать по их подобию и государственные законы. Особое место в этом процессе автор "Кодекса" отводил самому себе, ибо считал, что именно его книга как раз и содержит ту высшую правду, что спасет род людской. На себя же он брал и ответственную миссию составления законов для совершенного строя. Последняя часть его сочинения — это свод правовых норм, регулирующих все стороны жизни идеального общества. Оно, утверждал философ, должно гарантировать гражданину "истинную политическую свободу", которая "состоит в беспрепятственном и безбоязненном пользовании всем, что может удовлетворять его естественные и, следовательно, законные желания". Иными словами, свобода в понимании автора "Кодекса" сводилась к обеспечению каждому человеку возможности удовлетворять элементарные материальные потребности, определяемые как естественные желания.

Соответственно все устройство прекрасного общества будущего должно было служить этой цели. Первым из "основных и священных законов, которые уничтожили бы в корне пороки и несчастья общества", их создатель предлагал считать закон об установлении общественной собственности на все, кроме вещей личного пользования и индивидуальных орудий ремесла. По этому акту производитель лишен права распоряжаться продуктами своего труда, запрещен даже натуральный обмен и уж тем более — купля-продажа. Все выращенное на полях и сделанное в мастерских должно поступать на общественные склады и общественные "рынки" для централизованного распределения по строго ограниченным нор-

мам. Лишь некоторые вещи предполагалось распределять прямо на месте изготовления.

Жестко нормировалось также личное потребление, приведенное в соответствие с "разумным" уровнем "естественных" потребностей. В еде и питье преписывались "умеренность и воздержанность". Граждане в возрасте от 10 до 30 лет обязаны были бы носить одинаковую форму, отличающуюся у представителей различных профессий лишь цветом. С тридцатилетнего возраста человек мог бы одеваться по своему вкусу, но без чрезмерной роскоши. Это означало, что он получал бы право иметь два платья: рабочее и праздничное.

Такие порядки, несомненно, потребовали бы значительного числа людей, осуществляющих постоянный надзор и контроль. Об этом автор "Кодекса" позаботился заранее, предусмотрительно подготовив надлежащие законы. Они отводили государству ведущую роль во всех сферах жизни. Каждый гражданин считался бы пожизненно находящимся на государственной службе. Страну предполагалось разделить на провинции, провинции—на города с окружающей местностью, города—на трибы, трибы—на "семьи". Более крупная административная единица включала бы одинаковое, кратное десяти (для удобства подсчета), число более мелких. Во главе каждой из них стояли бы должностные лица, выбираемые нижестоящими начальниками из своего числа. Некоторые должности (глава "семьи", начальник трибы, глава государства, сенаторы городов) занимались бы пожизненно.

Не стану утомлять читателя описанием густо разветвленной и громоздкой иерархии территориальных властей в утопическом проекте "Кодекса природы". А ведь кроме них предполагалось создать и многочисленную производственную администрацию. Над каждым пятью или десятью работниками стоял бы периодически сменяемый начальник из числа "самых старших и в то же время самых опытных". Помимо него, каждым десятком руководил бы пожизненно назначаемый мастер, а во главе профессиональных корпораций, на которые делилось бы все население, находились бы старшины. Разумеется, представители администрации освобождались от участия в производительном труде.

Законы "Кодекса природы" регламентировали жизнь граждан идеального государства с рождения и до самого смертного часа.

Люди жили бы в абсолютно одинаковых домах, в распланированных по единому проекту городах. С пяти лет ребенок оставлял бы семью, переходя в специальный дом общественного воспитания. С десяти лет дети попадали бы в общественные мастерские для обучения одной из необходимых государству профессий. В возрасте 15—18 лет каждому полагалось вступить в брак. Свадьбы происходили бы в строго определенное время года. Жизнь супругов также подвергалась законодательному регулированию. Например, развестись можно было бы не ранее десяти лет супружества. Вторично жениться или выйти замуж разрешалось лишь год спустя, причем супруга полагалось выбирать обязательно из числа разведенных, и он не должен был быть моложе предыдущего.

С 20 до 25 лет граждане, согласно "Кодексу", обязаны нести сельскохозяйственную повинность, а затем, вернувшись в мастерские, работать там до 40-летнего возраста, дававшего право избрать наконец занятие по собственному вкусу. Продолжительность рабочего времени, дни праздников и отдыха определялись бы исключительно администрацией. Ей же автор трактата предписывал бдительно следить за соблюдением составленных им законов, которые, считал он, необходимо высечь на камне, наложив категорический запрет на внесение каких-либо изменений. Столь же тщательно охранять, по его мнению, надо и те "истины", что изложены в "Кодексе". Все гуманитарное знание в совершенном обществе должно было сводиться только к их изучению. Различным видам искусств дозволялось лишь "прославлять физические и нравственные красоты природы, предметы наук, удобства и приятные стороны общества". Научное познание допускалось исключительно в естественных и точных дисциплинах, право заниматься которыми предоставлялось лишь строго ограниченному кругу людей, специально отобранных для этой цели. Всем остальным не разрешалось посвящать себя наукам и искусствам даже в свободное время вплоть до 30-летнего возраста.

Столь жесткая и детальная регламентация дополнялась тщательно разработанной системой наказаний. Возле каждого города планировалось разместить здание тюрьмы, "окруженное высокой стеной и разделенное на несколько маленьких помещений, запертых железными решетками". Сюда попадали бы за самые разнообразные проступки, включая, например, такие, как "тяжкое непоч-

тение начальникам" или "плотская связь" с кем-либо в течение года после развода. Виновные в наиболее "тяжких" преступлениях, в том числе в замысле "уничтожить священные законы с целью ввести проклятую собственность", заточались бы на всю жизнь в специально выкопанных на городском кладбище пещерах с решетками.

Такой вот порядок, напоминающий не то казарму, не то тюрьму, где человек за миску похлебки и комплект униформы лишается всего того, что составляет подлинный смысл человеческой жизни, автор "Кодекса природы" считал наиболее разумным. Это подчеркивалось даже формулировкой, которая должна была предшествовать любому государственному акту при наилучшем строе: "Разум требует, Закон приказывает".

Всего позже Ф. Энгельс напишет о данном проекте, что это "уже прямо коммунистическая теория" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т. 20.—С. 18).

Но кто же все-таки был автором "Кодекса природы"? Долгое время им считали Дидро. Действительно, сей выдающийся просветитель высказал в своих произведениях ряд идей, близких принципам этого трактата. Например, мысль о превосходстве естественных законов над реально существующими в обществе не раз встречается и в работах Дидро. Кроме того, создатель знаменитой "Энциклопедии" и в самом деле был не чужд составлению утопических систем. Так, в 1772 г. он сочинил утопию "Добавление к путешествию Бутенвиля", которая много лет распространялась в рукописях и попала в печать лишь после смерти философа. Произведение это написано в форме разговора двух людей, обсуждающих вышедшую годом ранее книгу капитана Бутенвиля о кругосветном плавании. Время от времени диалог прерывается чтением "пропущенных" в том издании отрывков о жизни таитян. Комментируя прочитанное, собеседники высказывают свои соображения о состоянии общества в целом.

Как и автор "Кодекса", Дидро противопоставлял счастливую жизнь дикарей, следующих законам природы, печальному уделу цивилизованных народов "Если вы хотите быть его (человека.—А Ч) тираном,—писал философ,—то цивилизуйте его, отравите его учениями морали, противоречащей природе, ставьте ему всякого рода препятствия, всячески мешайте его движениям, создайте пу

гающие его призраки " К числу худших социальных пороков мыслитель относил частную собственность, которая разделяет людей и увековечивает их раздоры

Дидро также давал схожее с трактовкой "Кодекса природы" объяснение причин, заставивших людей расстаться с естественным состоянием Он тоже обвинял законодателей в том что они ввели народ в заблуждение ложными идеями "Будьте уверены,—говорит один из собеседников в сочинении Дидро —что это мудрые законодатели сделали вас таким, какой вы есть в своих интересах, а не в ваших В доказательство этого я сошлюсь на все политические, гражданские и религиозные учреждения Изучите их внимательно, и я не сомневаюсь, вы должны будете убедиться что история человечества на протяжении веков—это история угнетения его кучкой мошенников"

Как видим, близость позиций авторов двух утопий в критике современного им общества, несомненно, имела место Но как только у Дидро речь заходит о наилучшей организации социальной жизни, изображенной в отрывках о таитянах, ни о каком сходстве идей не может быть и речи Не знающее законов и государственной власти общество совершенно свободных людей связанных между собой лишь узами любви и дружбы —людей чьи отношения между собой по-детски бесхитростны и непосредственны чья жизнь наполнена светлым ощущением вечного праздника единения с природой—этот социальный идеал Дидро ничем не напоминает мрачную "казарму" "Кодекса природы"

У таитян тоже нет частной собственности, и старейшина их племени с гордостью говорит французу "Мы невинны, мы счастливы, и ты можешь лишь повредить нашему счастью Мы повинемся чистому инстинкту природы, а ты пытался вытравить его из наших душ Здесь все принадлежит всем, а ты проповедовал нам какое-то неизвестное различие между твоим и моим" Но общность собственности таитяне Дидро поддерживают не запретами и ограничениями, а отсутствием "излишних потребностей" И уж совсем ничего похожего нет в описанных авторами двух утопий брачных отношениях Полная свобода любви у таитян разительным контрастирует с нелепыми и жестокими ограничениями "Кодекса природы"

Однако Дидро никогда не отказывался от приписываемого ему авторства "Кодекса", как, впрочем, и не подтверждал его. Никак не прореагировал он даже на включение этого трактата в два собрания своих сочинений, подготовленных, правда, без участия автора.

Только в первой половине XIX в. изыскания французских библиографов Барбье и Керара, а затем—коммунистического публициста Вильгарделя позволили установить имя создателя "Кодекса природы" и "Базилиады" (это, как выяснилось, было одно и то же лицо)—Морелли. Его перу принадлежало в общей сложности 8 самых разнообразных произведений, начиная с работ по педагогике, кончая эротической поэмой. Впрочем, разрешение одной загадки породило другую: до сих пор историки не могут найти практически никаких сведений о человеке, носившем это имя. Вероятнее всего, оно—литературный псевдоним. Но чей? В 50-е годы нашего столетия западные ученые путем детального анализа трудов Морелли и ряда косвенных свидетельств попытались хотя бы в самых общих чертах реконструировать биографию философа. А в 1970 г. выдающийся советский историк Б. Ф. Поршнев опубликовал статью, выдвинув смелую, в какой-то степени даже сенсационную гипотезу о том, кому принадлежал такой псевдоним. Поршнев обратил внимание на приблизительное совпадение некоторых установленных аналитическим путем вех жизни Морелли с подлинными событиями биографии французского философа, монаха-бенедиктинца Дешана, автора утопии "Истинная система". Напрашивался вывод, что тайна Морелли наконец-то разрешена. Оставалось лишь подтвердить догадку, выявив тождество или хотя бы близость принципов утопий Морелли и Дешана, но именно это и вызвало наибольшие затруднения.

Леже Мари Дешан, монах, пришедший к атеизму, в 60—70-е годы XVIII в. создал оригинальную теорию природы и общества, изложенную в трактате "Истинная система". Полностью сей труд при жизни автора не публиковался, но с его основными положениями еще в рукописи познакомились такие "граждане" Просвещения, как Вольтер, Руссо, Гельвеций, Дидро, д'Аламбер. Ряд принципов учения Дешана в самом деле отдаленно напоминал кое-какие идеи Морелли. Дешан тоже делил историю человечества на три периода: оставшееся в прошлом естественное состояние (он

называл его "состоянием дикости"), реально существующее порочное общество ("состояние законов") и будущий совершенный строй ("состояние нравов"). Подобно автору "Кодекса природы", философствующий монах резко осуждал частную собственность "Мы,—писал Дешан,—цепляемся за порок собственности, не думая о том, что это он путем порождаемого им морального зла заставляет нас такой дорогой ценой оплачивать физические наслаждения, им доставляемые..."

Как и Морелли, путь к избавлению от социальных бед автор "Истинной системы" видел в обобществлении имущества и установлении полного равенства. "Если бы все люди были равны,—заявлял он,— и пользовались благами сообща, ни один человек не завидовал бы ближнему, не старался бы возвыситься над ним или присвоить какую-либо его вещь, а следовательно, не имели бы места и зависть, честолюбие, корысть—все эти столь вредоносные и разрушительные пороки".

Еще одна черта, сближающая эти утопии,—убеждение Дешана в том, что основой социального равенства должно стать удовлетворение лишь самых элементарных потребностей человека, которые только и можно признать "разумными". Философ так очерчивал их круг: "К чему сводятся разумные потребности человека, если не к тому, чтобы вместе со своими ближними составлять надежное содружество, жить в здоровой и приятной местности, пользоваться скромным помещением и ночлегом, быть умеренно занятым полезным трудом и несрочным трудом, иметь всегда чем питаться, с кем наслаждаться и во что одеваться? Все выходящее за пределы этих потребностей, а также все изощрения, нами прилагаемые для их удовлетворения, составляют губительный для нас излишек".

Кроме того, для авторов обеих утопий характерно убеждение, что несовершенство общества—плод невежества людей и что к социальному идеалу ведут успехи разума, стремящегося познать абсолютную истину. Причем каждый из них верил, что именно его книга содержит эту последнюю и величайшую истину. Как и Морелли, считавший вредным любой выход философской мысли за пределы, очерченные "Кодексом природы", Дешан заявлял, что "Истинная система" сделала все остальные книги излишними

Но здесь сходство двух сравниваемых произведений, пожалуй, и заканчивается. Прямо противоположных идей они содержат гораздо больше, нежели совпадающих или хотя бы просто близких. Не буду касаться многочисленных различий в философских построениях Морелли и Дешана. Ограничусь лишь кратким изложением утопического идеала монаха-атеиста, а уж внимательный читатель сам увидит, как мало этот строй похож на общество "Кодекса природы"

В "состоянии нравов", считал Дешан, люди будут жить в небольших поселках, расположенных в сельской местности или на развалинах нынешних городов. Каждый член общества по мере сил будет заниматься земледелием, которое останется единственным видом труда, необходимым для удовлетворения "разумных" потребностей. Добыча полезных ископаемых, выплавка металла, кораблестроение и прочие отрасли промышленности и ремесел окажутся излишними. Институт брака исчезнет, а на смену ему придет абсолютная свобода половых отношений. Жители поселков, мужчины и женщины, будут попеременно спать на соломе в больших общественных жилищах. Воспитание детей возьмет на себя общество, ограничив его выработкой трудовых навыков и устным преподаванием простейших моральных истин. Наук при идеальном строе не будет вообще. Более того, "для перехода к состоянию нравов,—писал Дешан,—нам пришлось бы не только сжечь все наши книги; документы и бумаги, но и уничтожить все то, что мы именуем прекрасными произведениями искусства". Язык значительно упростится и станет единым для всех народов. Не останется ни государственной власти, ни законов, единственным регулятором социальных отношений будет нравственность.

Такая жизнь, по мнению творца "Истинной системы", сделает людей абсолютно счастливыми, ибо они будут совершенно равны во всем. Причем равенство это предполагало полную нивелировку личных качеств, характеров и даже внешнего облика членов подобного общества. "При состоянии нравов не плакали бы и не смеялись бы. На всех лицах написан был бы ясный вид довольства, и, как я уже говорил, почти все лица имели бы почти один и тот же вид",—пророчил Дешан.

Думаю, сказанного вполне достаточно, чтобы убедиться, утопический идеал Дешана имел очень мало общего с проектом Мо-

релли А значит, смелая гипотеза Б Ф Поршнева о тождестве этих людей не подтверждалась текстами их произведений и не могла быть принята.

Загадка таинственного Морелли так и осталась неразгаданной. Она и ныне еще ждет своего исследователя.

ПАРАДОКСЫ РУССО

Едва ли можно назвать кого-либо из мыслителей века Просвещения, чьи труды еще при жизни вызвали бы столько разноречивых откликов, а позднее—столь же острые споры историков, как работы Жан Жака Руссо. Его жизнь и его произведения полны удивительных парадоксов, в которых самым непостижимым образом сочетаются вроде бы совершенно несовместимые вещи. Исследователи, бравшиеся объяснить противоречия творчества Руссо, написали сотни томов, и все же каждое следующее поколение ученых открывает в его многогранном идейном наследии что-то новое. Вот почему труды философа и двести лет спустя не теряют своей притягательной силы.

Разумеется, в этом небольшом очерке невозможно даже кратко охарактеризовать творчество Руссо в целом. "Гражданин Женевы" (как он себя называл) интересует нас здесь прежде всего как создатель одной из наиболее популярных утопий своего времени, вдохновившей в конце столетия беспощадных якобинцев на их кровавый социальный эксперимент.

Литературная слава пришла к Руссо довольно поздно—ему было уже 37. Однако известность, имевшую, правда, несколько скандальный оттенок, ему принесла его первая же философская работа—конкурсное сочинение на тему, предложенную Дижонской академией: "Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?" (1750). Этот сравнительно небольшой по объему труд получил на конкурсе первую премию и вскоре стал широко известен благодаря тому, что автор блестяще защищал точку зрения, прямо противоположную общепринятой. На вопрос, вынесенный в заглавие сочинения, Руссо давал однозначно отрицательный ответ. По его мнению, чем дальше человечество удалялось от естественной простоты первобытных времен, тем глубже оно погружалось в темную пучину пороков. Появление наук и искусств

мыслитель рассматривал как прямое следствие этого нравственно-го падения: "Рожденные в праздности, они в свою очередь питают праздность..." Более того, они, считал Руссо, даже усугубляют моральную испорченность общества "Это большое зло—потеря времени. Но зло еще худшее несут с собою литература и искусства. Такое зло—роскошь, рожденная, как и они, из праздности и людского тщеславия. Роскошь редко обходится без наук и искусств, они же никогда не обходятся без роскоши",—с горечью писал философ.

Порочной цивилизации он противопоставлял нравы "немногочисленных народов, которые, предохранив себя от этой заразы ненужных знаний, своими добродетелями создали собственное свое счастье и явили собою пример для других народов". Взамен реально существовавшей системы ценностей Руссо предложил новую, согласно которой ни ум человека, ни его талант, ни стремление улучшить материальную и обогатить духовную жизнь общества более не считались достоинствами. Выше всего мыслитель ставил моральную добродетель (понимаемую, впрочем, весьма абстрактно), простоту нравов, скромность и умеренность в потребностях. Для приобретения таких качеств, утверждал он, нет нужды ни в науках, ни в искусстве, ни во всех тех вещах, которые обычно рассматриваются как признаки социального прогресса. Надо лишь уйти в себя и прислушаться к голосу естественных чувств. В отличие от большинства просветителей Руссо довольно неприязненно относился к процессу постижения закономерностей окружающего мира "Народы,—воскличал он,—знайте же раз навсегда, что природа хотела уберечь вас от знания, как мать, которая вырывает опасный предмет из рук своего дитяти..."

Впрочем, один из парадоксов творчества Руссо состоял в том, что "гражданин Женева" при всей своей неприязни к интеллигентному прогрессу широко пользовался чисто рационалистической аргументацией, доказывая истинность того или иного положения своей теории. Так этот метод был применен им при разработке социологической концепции, изложенной в знаменитом "Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми" (1755). Хотя название труда позволяло предположить, что читатель найдет здесь исторический экскурс во времена далекие, но достоверно описанные, с первых же страниц автор давал понять,

что надеяться на это не следует "Начнем же с того,—призывал он,—что отбросим все факты, ибо они не имеют никакого касательства к вопросу".

Руссо исследовал проблему социального неравенства, выдвигая совершенно произвольные гипотезы и доказывая затем их непротиворечивость, что, по его мнению, должно было свидетельствовать об их достоверности. При этом он почти не пользовался даже теми историческими и этнографическими материалами, которыми уже тогда располагала наука. Позднее философ вспоминал, что, работая над данным сочинением, он часто уходил в лес и там разыгравшаяся фантазия рисовала ему картины первобытных времен, которые затем переносились на бумагу. Впрочем, автор и не скрывал, как получены выводы, содержащиеся в его труде. "Я признаюсь, что события, которые предстоит мне описать, могли происходить по-разному, и поэтому, делая свой выбор, я могу руководствоваться лишь теми или иными предположениями. Догадки эти превращаются в доводы, если они суть наиболее вероятные из тех, которые можно вывести из природы вещей, и представляя ют собою единственное средство, чтобы открыть истину".

Именно так Руссо и создал свою теорию развития человечества. Согласно ей в доисторические времена люди, пребывая в естественном состоянии, бродили в одиночку по лесам, находя там и пищу, и убежище. Они не имели лишних потребностей, довольствуясь лишь самым необходимым, и вели "образ жизни простой, однообразный и уединенный", то есть как раз такой, к которому по мнению Руссо, человек предназначен самой природой. Сравнивая это состояние с "гражданским", то есть с цивилизованным обществом, философ не колеблясь отдавал предпочтение первому, ибо оно в наибольшей степени обеспечивало равенство и свободу каждого индивида.

Но люди в отличие от животных обладали потенциальной способностью самосовершенствоваться, считал автор "Рассуждения". Вот она-то и привела человека в конце концов к выходу из того первоначального состояния, в котором он проводил свои дни "спокойно и невинно". Борьба за существование развивала человеческий интеллект, способствовала установлению социальных уз, началу трудовой деятельности. "Этот период развития человеческих способностей, лежащий как раз посередине между безразличием

изначального состояния и бурною деятельностью нашего самолюбия, должен был быть эпохой самой счастливою и самой продолжительною", — утверждал Руссо.

Однако рост потребностей стал причиной дальнейшего совершенствования знаний и умений людей. Появились земледелие и ремесла. Но увы, следствием прогресса общества было также возникновение моральных пороков, частной собственности, социального неравенства, тиранической власти. "Таково было или должно было быть происхождение общества и законов, которые наложили новые путы на слабого и придали новые силы богатому, безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства, превратили ловкую узурпацию в незыблемое право и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету", — подводил печальный итог автор "Рассуждения".

Впрочем, вернуться к естественной жизни человечество уже не сможет, считал Руссо. Поэтому он опять же чисто рационалистическим путем составил собственный план наилучшего устройства общества, находящегося в гражданском состоянии. Свой проект он изложил в фундаментальном трактате "Об общественном договоре" (1762). Правда, утопия Руссо в отличие от рассмотренных нами выше сочинений других мыслителей не раскрывала в подробностях всех сторон идеального строя. В центре внимания "гражданина Женевы" находилась проблема взаимоотношений совершенного государства и личности, в остальном же наилучшее социальное устройство обрисовано им лишь в самых общих чертах.

Наибольшее благо человека, по мнению Руссо, состоит в свободе и равенстве. Для обеспечения и того и другого людям необходимо заключить договор о добровольном объединении в общество. Важнейшее требование этого контракта — "полное отчуждение каждого из членов ассоциации в пользу всей общины". Равенство, таким образом, гарантировалось бы передачей гражданам всех своих прав без изъятия обществу, в результате чего они оказались бы в равной и всеобъемлющей зависимости от него. Однако позвоьте, спросите вы, а где же тут свобода? Действительно, при абсолютном подчинении личности обществу, очевидно, от свободы не оставалось бы и следа, но мы снова имеем дело с парадоксом Рус-

со Человек, утверждал философ, не свободен, когда вынужден подчиняться частным лицам. Попадая же в полную зависимость от общества, что, кстати, происходит добровольно, индивид, чья личность отныне без остатка отчуждена, больше не может зависеть от кого бы то ни было, а следовательно, он так же свободен, как и другие члены ассоциации ("каждый, подчиняя себя всем, не подчиняет себя никому в отдельности")

"Обеспечив" свободу и равенство членов своего идеального общества, Руссо на крыльях "чистого разума" поднимается в еще более высокие сферы философской абстракции: "Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого" Итак, появилось новое понятие—"Целое" (в дальнейшем Руссо пишет его именно с заглавной буквы), называемое также "Политический организм", "Суверен", "Государство" Вроде бы вполне безобидный метафизический термин, выполняющий исключительно рабочую функцию в абстрактных построениях трактата Однако далее этот бестелесный фантом буквально на глазах материализуется, превращаясь в настоящего монстра. Проследим за логикой размышлений философа, по достоинству оценив его виртуозное владение искусством софистики Государство, образованное путем добровольного слияния множества индивидов, это своего рода организм, обладающий собственными интересами и собственной волей, считал Руссо Тут же из этого весьма отвлеченного и, казалось бы, ни к чему не обязывающего положения следует вполне конкретный вывод "Подобно тому, как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, общественное соглашение даст Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами"

Что бы означала такая власть в действительности? Пресжде всего Суверен получил бы неограниченное право распоряжаться жизнью граждан Для обоснования этого Руссо привел следующий аргумент каждый вправе рисковать своей жизнью ради ее сохранения, например, нельзя обвинить в самоубийстве человека, выбросившегося из окна горящего дома Индивид вступает в Общественное соглашение, чтобы обезопасить свою жизнь под сенью закона Но цена данному шагу—риск, что при определенных об-

стоятельствах эта жизнь может потребоваться Суверену. "Итак,—писал Руссо,—гражданину уже не приходится судить об опасности, которой Закону угодно его подвергнуть, и когда государь говорит ему "Государству необходимо, чтобы ты умер",—то он должен умереть, потому что только при этом условии он жил до сих пор в безопасности и потому что его жизнь не только благодетельна природе, но и дар, полученный им на определенных условиях от Государства"

Кроме того, личная собственность каждого перешла бы к одному-единственному владельцу; Целое, вобрав в себя все права частных лиц, лишило бы их и этого права "Государство является в отношении своих членов хозяином всего их имущества в силу Общественного договора..." Правда, такое положение отнюдь не влекло бы за собой немедленного изъятия всей собственности у ее владельцев, нет, она оставалась бы у прежних хозяев, но те отныне рассматривались бы лишь в качестве "хранителей общего достояния" То есть личная зависимость человека от государства дополнялась бы имущественной.

Чтобы привязать к Суверену подобными узами каждого гражданина, Руссо предлагал обеспечить всех членов совершенного общества некоторым количеством собственности, ликвидировав чрезмерное имущественное неравенство "Вы хотите сообщить Государству прочность?—писал Руссо—Тогда сблизьте крайние ступени, насколько то возможно; не терпите ни богачей, ни нищих Эти два состояния, по самой своей природе неотделимые друг от друга, равно губительны для общего блага " Дабы сохранить приблизительное равенство имущества и в дальнейшем, философ предлагал ограничить денежное обращение при наилучшем строе и вообще отказаться от каких-либо финансовых операций ("финансы—слово рабов") Повинности Государству платились бы в натуральной форме

Общество мелких собственников не только в наибольшей степени отвечало представлениям Руссо о равенстве, но и позволяло бы достичь максимально возможного подчинения граждан Суверену Каждый человек находился бы в материальной зависимости от Государства—верховного собственника всего имущества в стране—и в то же время не имел бы ни малейшего шанса обрести хоть какую-либо самостоятельность по отношению к Политическо-

му организму. По образному выражению мыслителя, нищий проскальзывает сквозь паутину законов, богач рвет ее, а потому над ними нельзя установить столь же неограниченную власть, как над мелкими собственниками.

Однако на этом полномочия Государства отнюдь не заканчивались бы. Всевидящее око Суверена в идеальном обществе Руссо должно было следить и за той сферой социальной жизни, о прямом вмешательстве в которую правительства прежде и не помышляли. Речь идет о сфере морали. Если законы, по словам Руссо, составляют свод государственного здания, то замочным камнем этого свода являются нравы. Вот почему их регулирование—важнейшая функция законодателя. Постоянное воздействие государственной власти на граждан с целью изменения их нравов непременно приведет, считал философ, к формированию нового типа личности, определяющей чертой которой станет отказ от личных интересов и забот ради общественных. Не только жизнь и собственность, но и душа человека будет принадлежать Государству. В написанной для "Энциклопедии" статье "О Политической экономии" Руссо так высказался по данному поводу: "Если это хорошо—уметь использовать людей такими, каковы они,—то еще много лучше—сделать их такими, какими нужно, чтобы они были; самая неограниченная власть—это та, которая проникает в самое нутро человека и оказывает не меньшее влияние на его волю, чем на его поступки". Идеальному государству, утверждал Руссо, необходим особый орган, постоянно следящий за состоянием нравственности в обществе,—цензорский трибунал.

В своем стремлении максимально усилить зависимость граждан от Суверена Руссо готов был посягнуть и на последний оазис свободы, сохранявшийся у человека даже в условиях жесточайшего физического принуждения,—на религиозную веру. "Для Государства весьма важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставляла бы его любить свои обязанности";—заявлял автор трактата. Христианство, ограничивавшее права государей лишь материальным миром и не признававшее их власти над душами подданных ("кесарево кесарю, а Божие Богу"), явно не подходило на роль такой гражданской религии, за что и заслужило суровое порицание философа: "Эта религия, не имея никакого собственного отношения к Политическому организму, оставляет

законам единственно ту силу которую они черпают в самих себе не прибавляя никакой другой, и от этого одна из главнейших связей отдельного общества остается неиспользованною Более того она не только не привязывает души граждан к Государству, она отрывает их от него, как и от всего земного"

Догматы истинно гражданской религии согласно теории Руссо, должны включать в себя святость общественного договора и законов Интересно, что с этим положением связан еще один парадокс мыслителя Резко осуждая религиозную нетерпимость вообще, Руссо, однако предусматривал в своем совершенном государстве строгие наказания для нарушающих требования гражданской религии Так неверующий подлежал изгнанию из страны но не за атеизм а как плохой гражданин А тот, кто признал бы гражданский культ но не соблюдал бы его догматы был бы казнен, и опять же не за инакомыслие, но как "солгавший перед законами"

Таким образом общественный договор Руссо предполагал тотальный контроль и беспредельную власть Государства над жизнью, имуществом правами и даже совестью граждан Причем необходимость придания Суверену ничем не ограниченных полномочий обосновывалась благом самих же членов общества Поскольку люди вступают в подобное соглашение добровольно Политический организм не имеет интересов, противоречащих интересам частных лиц Он олицетворяет собой общество в целом, его воля всегда направлена к общественной пользе то есть — к пользе всех без исключения граждан А что если интересы отдельного человека и Государства не совпадут в каком-либо конкретном случае? По мнению Руссо, это свидетельствовало бы, что данный индивид заблуждается не понимая, в чем состоит его подлинное благо В таком случае его надо насильно заставить подчиниться воле Суверена, "это означает не что иное, как то, что его силой принудят быть свободным". Любое требование Государства обязательно для каждого гражданина ибо уже в силу своего происхождения Суверен не может пожелать чего-либо бесполезного для общества в целом

Но если один человек способен заблуждаться, то разве не могут точно так же заблуждаться и многие? Как же тогда определить общую волю? Руссо отвечал так "Когда в достаточной мере осведомленный народ выносит решения, то если граждане не вступают

между собою ни в какие сношения, из множества незначительных различий вытекает всегда общая воля и решение всякий раз оказывается правильным" Впрочем, и сам философ не мог не понимать, что такая ситуация возможна лишь гипотетически При несоблюдении же столь строгих (и, добавим мы, практически невыполнимых) условий общая воля, утверждал Руссо, будет отличаться от "воли всех". Опять парадокс! Однако "гражданин Женевы" считал, что общая воля существует объективно, она постоянна и неизменна. Как стрелка компаса все время поворачивается на север, так и общая воля всегда обращена к единой цели—благу общества. А "воля всех" переменчива, как настроение толпы. Народ во всей своей массе, признавал Руссо, как правило, не способен постичь общую волю и придать ей форму законов ("сам по себе народ всегда хочет блага, но сам он не всегда видит, в чем оно")

Для разрешения этого противоречия автор "Общественного договора" выводит на сцену новое действующее лицо—Законодателя, фигуру сверхъестественную и мистическую. Чтобы стать Законодателем, надо обладать поистине фантастическими способностями сверхчеловека. "Тот, кто берет на себя смелость дать установления какому-либо народу, должен чувствовать себя способным изменить, так сказать, человеческую природу, превратить каждого индивидуума, который сам по себе есть некое замкнутое и изолированное целое, в часть более крупного целого, от которого этот индивидуум в известном смысле получает свою жизнь и свое бытие; переиначить организм человека, дабы его укрепить, должен поставить на место физического и самостоятельного существования, которое нам дано природой, существование частичное и моральное" Законодатель необыкновенно мудр и проницателен, абсолютно чужд страстей, независим, беспорочен, почитаем своим народом Он творит законы, и люди, полностью доверяя ему, добровольно их принимают Правительство лишь следует установлениям этого великого мудреца Но сам он, предупреждал Руссо, не должен иметь исполнительной власти.

Хотя философ и оговаривал, что для принятия законов требуется согласие народа, как и для периодического подтверждения полномочий правительства, сама мысль о том, что понимание подлинного общего блага часто оказывается доступным лишь немногим избранным, была чревата потенциальной угрозой узурпации

прав народа власть придерживающими В статье "О Политической экономии" он, разумеется неумышленно, даже подсказал предлог, которым можно было бы оправдать подобный шаг Поскольку собрание народа далеко не всегда выражает общую волю, нет необходимости созывать его каждый раз, когда возникает ситуация, не предусмотренная законами: "правители хорошо знают, что общая воля всегда принимает сторону самую справедливую; так что нужно лишь быть справедливым, чтобы быть уверенным в том, что следуешь общей воле". Но ведь решать, что справедливо, а что нет, пришлось бы самим магистратам! Кто знает, какой выбор они бы сделали? В "Общественном договоре" Руссо, например, допускал введение диктатуры и приостановку законов в случае особой опасности государству. Но кто сумел бы измерить степень такой опасности? Опять же сами правители, способные верно определить подлинную общую волю.

Таковы основные черты утопии Руссо Более мелкие детали идеального устройства общества его не интересовали. Он даже не предлагал какой-либо определенной формы исполнительной власти, считая, что в зависимости от размеров страны могут быть приемлемы и монархия, и аристократия, и демократия. Но все же теория Руссо занимает особое место в общественной мысли века Просвещения Именно этот философ дал наиболее развернутое обоснование проекту государства-монстра, подчиняющего своей неограниченной власти все без исключения стороны жизни общества и каждого отдельного гражданина,—государства-левиафана, грубо вторгающегося даже во внутренний мир людей "ради их блага"

Современники по-разному отнеслись к идеям Руссо Его учение имело немало поклонников, еще больше—критиков, но никто из обсуждавших достоинства и недостатки сугубо теоретических построений "гражданина Женевы" не мог даже предположить, что очень скоро эта безжизненная абстракция обретет плоть и кровь, превратившись в жуткую реальность..

Большинство создателей многочисленных утопий века Разума отнюдь не имело, как сказал о себе все тот же Морелли, "дерзкой претензии преобразовывать род человеческий" и соответственно не предполагало реализации своих проектов в ближайшем будущем. Так, Морелли, описав в "Базилиаде" идеальное государство, тут же соглашался с возможным возражением, "что все это правдоподобно с точки зрения умозрительной, но неосуществимо на практике" Он подчеркивал, что ставит себе целью лишь "показать, откуда происходит противоречие между правильностью умозрения и ложью обычной действительности".

Дидро в "Добавлении к путешествию Бугенвиля" закончил рассказ о прекрасной жизни таитян следующими словами одного из собеседников: "Мы будем выступать против нелепых законов до тех пор, пока их не преобразуют; а в ожидании этого мы будем подчиняться им"

Руссо, хотя и писал свои трактаты во многом для практических политиков, тоже признавал, что ввести наилучший строй очень и очень нелегко, ибо для этого требуется совпадение целого ряда благоприятных обстоятельств: достаточная, но не чрезмерная протяженность территории; наличие у народа некоторых элементов государственности, но отсутствие "ярма законов"; внешняя безопасность и независимость от соседних государств; отсутствие значительного имущественного неравенства; подходящее состояние нравов и т. д. Перечислив множество подобных факторов, Руссо с грустью констатировал: "Все эти условия, правда, трудно соединить"

Не удивительно, что даже в тех случаях, когда монархи обращались к просветителям за советами, предложения философов были гораздо более умеренны и реалистичны, чем принципы их работ об идеальном обществе. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить, к примеру, написанный Руссо проект реформ в Польше или пожелания Дидро Екатерине II с принадлежавшими перу

этих мыслителей утопическими произведениями. Впрочем, даже такие рекомендации нередко имели довольно абстрактный характер и были слабо связаны с жизнью. Весьма характерна поэтому реакция Екатерины II на советы творца "Энциклопедии" "Господин Дидро, я с большим удовольствием слушала все, что внушил вам ваш блестящий ум; но из всех ваших великих принципов, которые я очень хорошо понимаю, можно составить прекрасные книги и совершить лишь плохие дела. Во всех своих преобразовательных планах вы забываете различие наших положений: вы трудитесь только над бумагой, которая все терпит... между тем как я, бедная императрица, работаю на человеческой шкуре, которая, напротив, очень раздражительна и шекотлива"

Хотя большинство просветителей весьма скептически относились к возможности скорого достижения совершенного строя, все же именно их произведения готовили ту интеллектуальную среду в которой позднее зародится желание опробовать один из умозрительных проектов на практике. Рационалистическая философия Просвещения в своих антропологических представлениях отвергла свойственные христианскому восприятию человека глубину и диалектичность. Христианство видело в каждой личности венец творений Божьих, образ Всевышнего и в то же время признавало ее несущей печать первородного греха. Это диалектическое сочетание двух противоположных начал в образной форме отражало действительно присущее человеку противоречие между духовным и биологическим началами, между истинно человеческим и звериным, между сияющими высотами разума и черной бездной подсознания.

Просветительские же трактовки человеческой природы, несмотря на множество их вариаций, придавали ей как бы двухмерный, плоский вид, сводя все богатство и многогранность личности к одному-двум качествам. По мнению Вольтера, люди—это всего лишь "маленькие животные с двумя ногами и двумя руками, как обезьяны, менее проворные, чем они, такие же смешные и облада-

ющие большим количеством идей" Согласно Ламетри, люди—это "ползающие в вертикальном положении машины", имеющие инстинкт, "из которого посредством воспитания образуется ум" Гельвеций утверждал: "у человека все сводится к ощущению если все можно объяснить физической чувствительностью, то бесполезно допускать наличие у нас еще других способностей" Руссо считал, что в человеческой душе доминируют два начала; первое—горячая заинтересованность в нашем собственном благосостоянии и самосохранении и второе—сострадание к себе подобным, Морелли также связывал социальные свойства людей прежде всего с инстинктом самосохранения.

Подобная примитивизация человеческой личности рождала иллюзию, что сознательное и целенаправленное регулирование социальных процессов сравнительно легко осуществимо. Надо лишь познать доминирующие инстинкты и страсти человека и отыскать наиболее эффективное средство воздействия на них. К той же мысли подвели и просветительские интерпретации истории. Они за малым исключением (теория Монтескье, например), как правило, антропоцентричны. Так, в трудах Вольтера, который, говоря словами А. С. Пушкина, "первый пошел по новой дороге—и внес светильник философии в темные архивы истории", главные роли отведены добрым и злым правителям, мудрым и глупым законодателям, талантливым и бездарным полководцам— одним словом, выдающимся личностям. Провозгласив всеислие разума, просветители, казалось, открыли перед людьми едва ли не безграничные возможности для произвольного вмешательства в естественный ход вещей "Подобно тому, как Создатель одним овым желанием сотворил все миры, и тебе (человеку.—А. Ч.), когда ты захочешь, вещество будет послушно; властелин на земле и царь своим мыслям, как только пожелаешь, сама природа твоим рукам повинуется",—писал Вольтер Тем самым философы, причем далеко не всегда преднамеренно, готовили умы современников и потомков

к невиданному эксперименту перекройки общества по разработанной "чистым разумом" абстрактной схеме идеального строя

Могли ли они предвидеть последствия? Догадывались ли о том, что такой эксперимент неизбежно был бы сопряжен с насилием? В произведениях некоторых утопистов века Просвещения встречаются иногда высказывания, свидетельствующие, что их авторы в принципе допускали подобную возможность. Вот что, например, писал Морелли, рассматривая гипотетическую ситуацию, когда мудрый законодатель попадает в "неиспорченное" общество дикарей и хочет ввести у них идеальные законы: "Если невозможно допустить, чтобы человек был всегда одинаково расположен охотно слушаться самых разумных советов и замечаний, то наша гипотеза не исключает строгой власти, укрощающей эти первые неудовольствия и принуждающей вначале к обязанностям, которые впоследствии становятся легкими, а очевидная полезность заставит полюбить их"

Дешан, осуждая христианское милосердие, побуждающее богатого оказывать помощь бедняку, рисовал следующую перспективу: "Если бы сверх ожидания подавание перестали бы подавать, бедняки раздавили бы богачей, и по необходимости совершился бы переход к подлинному общественному состоянию, поскольку возвращение от состояния общества к состоянию дикости невозможно".

Но, хотя названные философы иногда и делали подобные предположения, все же в целом они оставались, как и подавляющее большинство других просветителей, противниками насильственных методов преобразования общества. Однако XVIII век знал также мыслителей иного рода. Еще на заре эпохи Просвещения в ослепительных лучах восходящего солнца Разума появилась, словно ночное видение среди бела дня, зловещая фигура Жана Мелье, воздавшего подлинную апологию кровавого насилия.

Жизнь этого человека, ныне досконально изученная, была бедна событиями и никак не предполагала той мрачной славы, что

уже больше двух столетий окружает его имя. Сын богатого земледельца, торговавшего также тканями, Жан Мелье закончил семинарию и стал священником в одном из сельских приходов Шампани. Там он почти безвыездно прожил до самой смерти. Как и другие сельские кюре, Мелье был неплохо обеспечен и не слишком строго соблюдал требования, предъявлявшиеся к священнику церковью. Так, он постоянно нарушал обет безбрачия, часто меняя в своем доме молодых экономок. Многие годы он более или менее исправно выполнял свои обязанности, служа мессы, исповедуя и причащая прихожан, крестя их детей, отпевая почивших, и никто даже не подозревал о неистовых страстях, бушевавших в его душе. А кюре, оказалось, долгое время вынашивал дерзкий замысел бунта против Бога и власти. Закончив очередное наставление во Христе, он шел домой, доставал неоконченную рукопись и заполнял все новые страницы проклятиями религии, церкви, государству. Постепенно рукопись росла, приобретая размеры объемистого трактата. Не решившись опубликовать богоборческое произведение при жизни, Мелье рассчитывал, что сможет сделать его достоянием общественности после своей смерти. Последняя воля умершего непременно подлежала оглашению, поэтому он назвал свой труд "Завещание". После того как в 1729 г. священник-атеист скончался, его сочинение, несмотря на предпринятые церковью предосторожности, получило довольно широкую известность во французском обществе, разойдясь по стране во множестве списков.

В своем "Завещании" Мелье торжественно отрекался от религии, осуждая ее на веки вечные. "Знайте, друзья мои,—писал он,—что всякий культ и поклонение богам есть заблуждение, злоупотребление, иллюзия, обман и шарлатанство; что все законы и повеления, издаваемые именем и властью бога и богов,—не что иное, как измышление человека, точно так же, как все великолепные празднества и жертвоприношения и прочие действия религиозного и культового характера, совершаемые в честь богов". Себя этот скромный священник, похоже, представлял неким мифиче-

ским героем, бесстрашно бросающим вызов самим небесам "Я желал бы иметь мышцы и силу Геркулеса,—воскликнул он,—чтобы очистить мир от всех пороков и несправедливости, и с удовольствием убил бы всех этих гидр заблуждений и несправедливости, причиняющих столько страданий всем народам мира"

От многих антирелигиозных сочинений, буквально наводнивших в XVIII в. Францию (кстати, историки считают, что довольно значительное число их авторов в той или иной степени испытало на себе влияние идей Мелье), "Завещание" мятежного кюре отличалось тем, что яростная критика религиозной веры сочеталась в нем с не менее яростным порицанием существовавших в то время социальных порядков. Происхождение религии, по мнению Мелье, было прямо связано с возникновением социального неравенства. "Хитрые и лукавые политики" утверждал он, в своем стремлении к богатству и власти злоупотребили доверчивостью и слабостью "беспомощной и непросвещенной народной массы" навязав ей идолопоклонство и дикие суеверия. Вот с тех-то незапамятных времен, считал Мелье, церковь и тирания идут рука об руку, помогая друг другу угнетать простой народ. "Религия поддерживает даже самое дурное правительство а правительство, в свою очередь, поддерживает даже самую слепую, самую глупую религию",—говорилось в "Завещании"

Едва ли нужно доказывать уязвимость подобного обобщения. Конечно, Мелье прав в том, что во Франции тогда действительно имел место тесный союз светской аристократии и верхов церковной иерархии. В этом автора трактата убеждал и личный опыт: стоило ему однажды вступить в конфликт с местным сеньором, как тут же высшие церковные власти одернули строптивого кюре. Не удивительно, что в узком и бедном на впечатления мире крохотной деревушки подобное малоприятное событие приобретает для самого юного священника почти глобальную значимость и, вполне возможно, послужило толчком для далеко идущих теоретических обобщений. Однако даже в отношении низшего духовенства

ва такой вывод страдал, мягко говоря неточностью. Достаточно вспомнить, что всего шесть десятилетий спустя большинство депутатов Генеральных штатов от духовенства поддержат третье сословие в борьбе с монархией и дворянством. Тем более было неверно распространять подобное утверждение на всю историю христианской религии, которая, как известно на протяжении веков нередко оказывалась чуть ли не единственным ограничителем чрезмерных аппетитов светских правителей.

С особой яростью мятежный кюре обрушивался на институт частной собственности, с которым как он правильно подметил, во многом было связано социальное неравенство. Сторонник абсолютного уравнивания людей, он не признавал права более умелых и более способных на лучшие условия жизни и всякое стремление выйти за пределы минимума, достаточного для удовлетворения простейших материальных потребностей клеймил как алчность. „Жадность, — писал он, — ненасытна и, как известно, в ней корень всех зол. Имея полный простор для удовлетворения своих вожделений, она не упускает случая и заставляет людей идти на все, чтобы иметь обилие благ и богатств как для обеспечения себя от нужды, так и для удовлетворения всевозможных своих прихотей. Оттого и получается, что наиболее сильные, наиболее хитрые и ловкие, зачастую они же и самые злые и недостойные, лучше всех других наделены земными угодьями и всякими удобствами жизни“.

В Шампани, где жил Мелье, остатки феодальных отношений сохранились в большей степени, нежели во многих других французских провинциях. Соответственно крестьяне несли более тяжкий груз сеньориальных повинностей. Явно не содействовали процветанию края и многочисленные войны Людовика XIV, от которых Шампань страдала особенно сильно. Естественно, что в „Завещании“ содержится немало злых но справедливых слов о воинственных монархах и алчных сеньорах. Мелье как бы облек в идеологическую оболочку горькие сетования и угрожающий ропот

своих земляков, уставших от всех тягот этой беспросветной жизни. Но он также, надо признать, в полной мере отдал дань и таким иррациональным чувствам, как зависть бедняка-неудачника к преуспевающему благодаря таланту и трудолюбию соседу или как подозрительное недоверие сельского жителя ко всему городскому.

Спасение от разъедающих мир пороков Мелье видел в установлении нового, совершенно справедливого строя, основанного, конечно же, на общественной собственности и равенстве всех во всем. Жители каждого прихода или деревушки, согласно его плану, должны составить общину и жить одной семьей, сообщая и на равных правах пользуясь богатствами земли. Людям надо питаться "одной и той же или сходной пищей, иметь одинаково хорошую одежду, одинаково хорошие жилища, одинаково хороший ночлег и одинаково хорошую обувь; с другой стороны, все должны одинаково заниматься делом..." Институт брака был бы упразднен, мужчины и женщины свободно сходились бы и расходились, "следуя своему влечению". Детей содержало бы и воспитывало общество. Во главе сельских общин предполагалось поставить "самых мудрых и благонамеренных лиц, стремящихся к развитию и поддержанию народного благосостояния". Отдельные приходы заключили бы между собой союз и помогали бы друг другу в нужде.

План идеального общества, изложенный в "Завещании", не отличался особой оригинальностью. Многие из того, что наметил Мелье, можно найти в сочинениях и других утопистов, в том числе писавших до него (правда, надо отметить, что с какими-либо утопическими проектами своего времени живший в деревенской глуши кюре, похоже, не был знаком). Свой неповторимый вклад в историю общественной мысли этот неистовый богоборец внес не столько своей утопией, сколько настойчивой рекомендацией приступить, не откладывая, к ее скорейшему осуществлению. В качестве наиболее подходящего средства установить наилучшее социальное устройство он предлагал жесточайшее революционное насилие. Отрекшийся от Бога священник призывал массы подняться

на беспощадный бунт, который сметет с лица земли старое общество " ..Постарайтесь объединиться, сколько вас есть, вы и вам подобные, чтобы окончательно стряхнуть с себя иго тиранического господства ваших князей и ваших царей; ниспровергните повсюду эти троны несправедливости и нечестия, разможьте все эти коронованные головы, сбейте гордость и спесь со всех ваших тиранов и не допускайте, чтобы они когда-либо царствовали над вами",—советовал этот пастырь.

Казалось, каждая строка "Завещания" сочится кровью. Слово черный маг, заклинающий демонов преисподней, безбожный пророк с мрачной торжественностью взывал к страшным теням Клемана и Равальяка, религиозных фанатиков, убивших французских королей Генриха III и Генриха IV. "Зачем не остались они жить в наши дни, чтобы разить и закалывать кинжалами все эти омерзительные чудовища и извергов человеческого рода и избавить таким образом народные массы от их тиранов! Как жаль, что не остались в живых эти достойные, благородные защитники народной свободы! Как жаль, что не живут они ныне, чтобы изгнать всех царей на земле, сразить всех угнетателей и вернуть свободу народам!"

Ниспровергнуть религию, извести под корень монархов, священников, аристократов и "всех других богатых господ"—вот единственный, по мнению Мелье, путь к царству равенства и справедливости, вот цена подлинного блага простых людей. Лейтмотивом произведения кюре-атеиста может быть признано пожелание, с грубой прямоотой высказанное им уже в самом начале книги чтобы "все сильные мира и знатные господа были перевешаны и удушены петлями из кишок священников"

Столь откровенная проповедь самого разнузданного насилия явно выделяла "Завещание" Мелье среди сочинений других просветителей, как правило, весьма негативно относившихся к различного рода эксцессам "черни". В то же время его антирелигиозный пафос оказался близок многим из них. Эти два обстоятельст-

ва и обусловили весьма противоречивое отношение философов к идеям мятежного кюре. Характерна позиция Вольтера. Читая "Завещание", он, по собственному признанию, "дрожал от ужаса", но тем не менее считал возможным использовать посмертное отречение священника от религии для дискредитации церкви. Письма Вольтера содержат множество самых неслестных упоминаний об этом труде "дьявольская книга", "произведение, крайне необходимое демонам", "превосходный катехизис Вельзевула", "Завещание Антихриста", "нечестивые рассуждения" и т. д. Но исходя из того, "что в самых дурных книгах всегда найдется кое-что, что можно использовать", Вольтер извлек из труда Мелье антирелигиозные пассажи, очистив их от социальных мотивов, и анонимно опубликовал это "Извлечение" в 1762 г. Столь же выборочно пользовались идеями Мелье и другие просветители, знакомые с его работой. Черпая вдохновение в нападках этого безбожного пророка на христианство, они закрывали глаза на его призывы к ниспровержению старого общества.

Предостережение истории, на мгновение приподнявшей завесу над грядущим, осталось неслышанным. Философы пытались на бумаге отделить подрыв христианских ценностей от беспощадного насилия революции так, как будто то же самое можно было сделать и в жизни. Увы, напрасные надежды! Скоро они рассеются как дым, действительность же будет ужасна.

ЦАРСТВО ДОБРОДЕТЕЛИ

Восемнадцатый век уже клонился к закату, а философам по-прежнему оставалось только мечтать, что сочиненные ими идеальные проекты, может быть, когда-то, в отдаленном будущем, найдут себе практическое применение. Большинство титанов Просвещения так и ушло из жизни с этой несбывшейся мечтой. Но 1789 г. круто изменил жизнь всего европейского общества. Великая французская революция не только пробудила надежду на скорое установление "разумного" строя в соответствии с одной из умоизрительных созданных и не имеющих противоречий теоретических систем,

но и предоставила возможности для проведения такого эксперимента.

Относительно быстрое и сравнительно бескровное падение старого порядка в первые годы революции и принятие во Франции новых основополагающих законов, в которых нашли отражение важнейшие принципы просветительской мысли, как будто подтверждали безграничную силу разума и свидетельствовали о его торжестве над господствовавшим ранее "невежеством". Поэтому начало 90-х годов XVIII в. было отмечено появлением в различных странах континента целого ряда утопических проектов, предлагавшихся их авторами для немедленной реализации. Но до практического осуществления подобного плана дело дошло лишь однажды, правда, опыт этот на протяжении нескольких месяцев проводился в масштабах целого государства. Речь идет о деятельности с конца 1793 по июль.

1794 г. Максимилиана Робеспьера и его сподвижников, возглавлявших революционное правительство Франции

В 1789 г. невзрачный провинциальный адвокат из Арраса М. Робеспьер был избран от третьего сословия депутатом Генеральных штатов, вскоре провозгласивших себя высшим законодательным органом страны — Национальным собранием. Не отличаясь выдающимися способностями оратора, мыслителя или человека действия, Робеспьер тем не менее постепенно завоевал широкую популярность своей фанатичной приверженностью идеям Руссо, которые городскому плебсу на слух казались весьма привлекательными, а также строгим аскетизмом в частной жизни, за что по праву получил прозвище "Неподкупный". Учение Руссо служило ему путеводной звездой, по которой он неизменно выверял свой политический курс среди рифов и мелей бурного моря революции. При этом долгое время Робеспьера вполне удовлетворяла та не слишком конкретная, а местами и вовсе довольно туманная форма, в которой "гражданин Женева" изложил свой социальный идеал. Впрочем, в конкретизации последнего не было какой-либо настоятельной необходимости, ибо до тех пор пока шла ломка старого порядка, вопрос о том, какой строй придет ему на смену, находился на заднем плане общественно-политической жизни. Но также если дело обстоит бы иначе, до 1793 г. Робеспьер еще не обладал реальной властью, чтобы надеяться на установление со-

вершенного социального устройства по своему вкусу. Его сила была в способности влиять на настроения масс, выступая в роли "диктатора общественного мнения", но этого явно не хватало для того, чтобы ставить себе вполне определенную задачу создания нового общества. Однако очередная волна бурлящего революционного потока вынесла (надо сказать, довольно неожиданно для них самих) Робеспьера и группу его единомышленников к вершинам такой власти, которая им, думаю, даже не снилась.

...В первые месяцы 1793 г. Французская республика вела войну практически со всеми соседними государствами и одновременно с крестьянами собственной провинции Вандея. Весной положение на внешних и внутреннем фронтах осложнилось после ряда чувствительных поражений и предательства, совершенного знаменитым республиканским генералом Дюмурие. Военные неудачи и перебои с доставкой продовольствия вызывали растущее недовольство парижского плебса. Раздражение толпы подогревалось пропагандой революционных политических клубов (наиболее влиятельным из них был Якобинский клуб, где тон заседаниям задавал Робеспьер), которые не жалели сил, чтобы направить гнев масс против "партии" Жиронды, имевшей большинство в законодательном собрании—Конвенте. Эта "партия", (ядро ее составляли депутаты от департамента Жиронда) объединяла представителей просвещенных слоев общества—подлинную интеллектуальную элиту республики, являясь поистине созвездием талантов. Жирондисты хотели, чтобы революция соблюдала ею же установленные законы, и требовали строгого наказания для преступающих рамки права, даже если это делалось под предлогом революционной необходимости, как, например, во время массовых убийств заключенных в тюрьмах 2 сентября 1792 г

31 мая—2 июня 1793 г ультрареволюционерам, имевшим большинство в столичном муниципалитете—Парижской коммуне, удалось поднять городские низы на восстание и, совершив акт грубейшего произвола, добиться изгнания депутатов-жирондистов из Конвента. Большинство в законодательном органе перешло к наиболее радикальной группировке—монтаньярам (от французского слова Montagne—гора—так назывались верхние скамьи в зале заседаний, на которых обычно располагались эти депутаты) Многие из них являлись членами Якобинского клуба. Эта доволь-

но пестрая политическая группа включала в себя людей самых разных мировоззрений, объединенных, однако, стремлением к наиболее радикальным и даже жестоким мерам, необходимым, по их мнению, для спасения революции. Вскоре доминирующее положение в их среде заняла сравнительно немногочисленная, но тесно сплоченная "партия" Робеспьера.

Ближайшими сподвижниками Неподкупного были юный Сен-Жюст и Кутон. Первый из них, недавний школяр, так и не успевший до революции испробовать свои силы на каком-либо общественно полезном поприще, выделялся способностью к догматическому теоретизированию и фанатичной преданностью определенному кругу идей, что, впрочем, не мешало ему быть человеком решительным, энергичным и хладнокровно жестоким. Кутон, бывший провинциальный адвокат, наполовину разбитый подагрой калека, стал третьим членом этого робеспьеристского триумвирата, почти безраздельно правившего Францией на протяжении тех месяцев, что вошли в историю как эпоха террора.

Летом 1793 г. Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон решением Конвента были включены в состав Комитета общественного спасения—высшего органа исполнительной власти. В условиях резкого обострения политического и военного положения (протест против изгнания из Конвента части избранных народа вылился во многих департаментах в восстания против центрального правительства) законодатели рядом декретов наделили Комитет общественного спасения поистине диктаторскими полномочиями, которые были подкреплены мерами жесточайшего государственного принуждения после того, как новое движение парижского плебса 4—5 сентября добилось постановки террора "в порядок дня". Репрессивные органы республики возглавили сторонники Робеспьера. Так, в Комитете общественного спасения робеспьеристский триумvirат курировал вопросы внутренней политики и, в частности, работу полиции. В Комитете общественной безопасности, непосредственно отвечавшем за проведение террора, линию Робеспьера проводили его сторонники Леба и Давид (знаменитый художник). В Революционном трибунале заправляли робеспьеристы Герман, Дюма, Кофингаль. Среди присяжных этого суда также было немало людей, преданных Неподкупному.

Хотя численно сподвижники Робеспьера составляли меньшинство и в Конвенте, и среди монтаньяров, и в обоих правительственных комитетах, тем не менее отличавшая их от других политических групп сплоченность, приверженность общим идеям, а также обладание ключевыми постами в репрессивном аппарате государства обеспечили им доминирующее положение в революционном правительстве "Только у партии Робеспьера имелись доктрины, связанная система и организационная оформленность", — вспоминал позднее бывший член Конвента Левассер. Кроме того, важную роль в обеспечении господства робеспьеристов играл Якобинский клуб, где их авторитет был непререкаем и где во многом определялось общественное мнение не только столицы, но и всей страны. И наконец, нельзя не отметить чрезвычайно высокую мобильность сторонников Неподкупного, часто выезжавших в провинцию, чтобы направить там ход событий в нужном для себя направлении. Так, Кутон руководил подавлением антиправительственного восстания в Лионе; Сен-Жюст и Леба неоднократно посещали северо-западные департаменты, Северную и Рейнскую армии; младший брат Робеспьера Огюст курсировал по южным департаментам и был представителем Конвента при Итальянской армии; на родине Неподкупного в Аррасе его волю исполнял Лебон; в Оранже находился друг Кутона Менье.

К концу 1793 г вражеские армии на границах были отброшены, большинство внутренних мятежей подавлено, обстановка несколько стабилизировалась. Вот тогда-то Робеспьер и его сторонники, имея в руках почти неограниченную власть, почувствовали, что достаточно сильны для осуществления своего социального идеала. Возникла необходимость в конкретизации программы построения нового общества. 14 декабря в письме из действующей армии Сен-Жюст попросил Робеспьера привлечь внимание якобинцев "к фундаментальным принципам общественного блага", дабы они позаботились о способах управления "свободным государством". О том же думал и сам Робеспьер. 25 декабря он объявил в Конвенте, что перед нацией стоит задача "прийти к торжеству принципов, на которых должно покоиться процветание общества". В программной речи 5 февраля 1794 г Неподкупный снова подчеркнул: "Настало время ясно определить цель революции и предел, к которому мы хотим прийти; настало время дать себе отчет.. в сред-

ствах, которые мы должны принять, чтобы достичь его" Из этого и последующих выступлений Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона в Конвенте и Якобинском клубе стало известно, какие идеи они хотели положить в основу совершенного строя. Кроме того, сохранился такой чрезвычайно любопытный документ, как составлявшийся Сен-Жюстом план идеального государства будущего, который по степени проработки деталей может соперничать с самыми подробными из утопий

Для общественной мысли XVIII в., искавшей замену традиционной христианской морали, был характерен повышенный интерес к этическим проблемам. Но даже на этом фоне учение Руссо о совершенном обществе выделялось тем гипертрофированным вниманием, которое данный философ уделял вопросам нравственности. Он, напомним, рекомендовал Суверену регулировать нравы специальными законами. "Вы желаете, чтобы осуществилась общая воля? Сделайте так, чтобы все изъявления воли отдельных людей с нею сообразовывались, а так как добродетель есть лишь соответствие воли отдельного человека общей воле, то, дабы выразить это в немногих словах, установите царство добродетели", — писал "гражданин Женева"

Вот это "царство добродетели" и решили установить во Франции робеспьеристы, прилежные ученики Руссо. Проблему нравственности они возвели в абсолют, считая мораль важнейшим регулятором общественной жизни во всех ее проявлениях. Робеспьер называл добродетели "душой республиканского строя" и видел путь к его совершенствованию в улучшении нравов. Решение всех социальных проблем. Неподкупный и его единомышленники искали в распространении "естественной" морали, предлагая в качестве социального идеала общество высокодобротельных людей. "Давайте же утвердим среди нас с помощью мудрости и морали мир и счастье! — обращался Робеспьер к депутатам Конвента — Такова истинная цель наших трудов, такова самая героическая и самая сложная задача"

Набор добродетелей, которые, по мнению робеспьеристов, обязан иметь каждый "истинный республиканец", был составлен ими чисто умозрительным путем на основе сильно идеализированных представлений об античных государствах Спарты и Рима. Совершенный гражданин, согласно этим требованиям, не имеет "лиш

них" потребностей, аскетичен, не обременен "ненужными" знаниями, беспощаден к врагам, презирует чувственные наслаждения и, самое главное, готов безоговорочно пожертвовать любыми личными интересами во имя общественных "Все, что сосредоточивается в гнусном слове "личное", возбуждает пристрастие к мелким делам и презрение к крупным, должно быть отброшено или подавлено вами",—поучал соотечественников Робеспьер. Вот по такому-то образцу он и его сподвижники хотели перековать всю нацию.

Но кто же, по убеждению этих мечтателей, обладал столь совершенными нравственными качествами? Вопрос далеко не праздный, ибо ответ на него показывает, в чьих интересах сторонники Неподкупного проводили свои преобразования. Однако даже им ответить было далеко не просто. Когда рассуждения велись на абстрактном уровне, проблемы, казалось, не возникало: добродетель—врожденное качество бедного люда, тех, кто своим трудом зарабатывает себе на жизнь. "Добродетели,—говорил Робеспьер,—просты, скромны, бедны, часто невежественны, иногда грубы; они—удел несчастных и естественное наследие народа". Но как только с высот философских размышлений приходилось спускаться на грешную землю, сразу же выяснялось, что все обстоит гораздо сложнее. При решении конкретных проблем робеспьеристы постоянно сталкивались с нежеланием людей, принадлежавших к самым разным социальным слоям, следовать умозрительно установленной норме поведения.

Взять, например, торговцев и предпринимателей Робеспьеристы вовсе не были против этих социальных групп, как таковых. Конечно, близость людей подобных профессий к богатству, источнику пороков ("богатство—позор",—утверждал Сен-Жюст), вызывала в отношении к ним некоторую настороженность. И все же робеспьеристские вожди никогда не порицали коммерсантов вообще, хотя в публичных выступлениях и письмах Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона сказано немало резких слов о спекулянтах, скупщиках и недобросовестных поставщиках продуктов и амуниции для армии, то есть о тех торговцах, которые нарушили законы. Упоминавшийся выше план совершенного общества, составленный Сен-Жюстом, предполагал сохранение негоциантов и промышленников при идеальном строе будущего. Главным требованием, предъявлявшимся к гражданам данных, как, впрочем, и всех

остальных социальных групп, было соблюдение норм "естественной" морали. Истинный же республиканец и патриот должен тратить "излишки" заработанных средств на общественные нужды. Вот что говорил об этом Робеспьер: "Патриоты чисты; если же судьба наделила их дарами, которые добродетель презирает, а жадность уважает, они и не думают скрывать их, они имеют сильное желание использовать их благородным образом" В отношении к предпринимателям такой принцип был равносителен требованию отказаться от прибыли. Робеспьеристы отрицательно относились к идее непосредственного вмешательства государства в торговлю, считая, что добродетель участвующих в товарообмене лиц сама по себе гарантирует его "справедливое" осуществление. Только вот желающих заниматься коммерческой деятельностью на таких условиях что-то не находилось. Объяснение этому Неподкупный и его окружение видели в "нравственной испорченности" людей.

Ну а как быть с бедняками, которых не могло развратить богатство, ибо его у них просто не было? Тем не менее их политические требования зачастую тоже шли вразрез с робеспьеристскими представлениями о добродетели. Так, парижские санкюлоты настоятельно призывали революционные власти ужесточить государственную регламентацию торговли. В сентябре 1793 г. Робеспьер и его окружение под давлением низов и ультрареволюционеров из Парижской коммуны согласились на введение законодательного максимума цен, но в дальнейшем, приобретая постепенно все большую власть, они отклоняли требования масс по расширению подобных мер. Будучи противниками прямого государственного вмешательства в экономическую жизнь, робеспьеристы справедливо полагали, что оно способно лишь помешать нормальной хозяйственной деятельности (правда, аналогичный эффект имело и моральное регулирование, к которому они стремились) Такая позиция стала одной из причин их конфликта с выражавшими настроения санкюлотов ультрареволюционерами из числа "левых якобинцев" и членов Клуба кордельеров. Опираясь на мощный репрессивный аппарат, робеспьеристы нанесли им поражение весной 1794 г и поставили во главе Коммуны сторонников своей "партии" Флерио-Леско и Пейана.

Не раз высказываясь с большой симпатией о "неимущих патриотах", о тех, кто носит "почетную одежду бедности", робеспьеристы, однако, подходили к конкретным пожеланиям реальных бедняков с мерками своей абстрактной морали, согласно которым даже такое естественное требование, как повышение жалования, вполне могло быть оценено как алчность, то есть нравственный порок со всеми вытекающими отсюда последствиями. Например, в одном из приказов командующего национальной гвардией Парижа генерала Анрио, сторонника Робеспьера, резко осуждались желавшие повышения оплаты портовые рабочие за то, что они не хотят "переносить лишения, столь привычные для бедных санкюлотов-демократов". Сталкиваясь с подобным противоречием всякий раз, когда действия реальных людей не отвечали представлениям об идеальном республиканце, робеспьеристы вновь и вновь прибегали к ссылкам на "развращающее влияние" иностранных шпионов и контрреволюционеров.

Еще хуже Робеспьер и его единомышленники были осведомлены о подлинных чаяниях различных групп французского крестьянства. Сам Неподкупный в своих выступлениях никогда не опускался с высот общеполитических рассуждений до рассмотрения конкретного положения в деревне. Кутон, затронувший в одном из выступлений перед якобинцами аграрную тему, обнаружил удивительное для юриста незнание даже тех законов по сельскому хозяйству, что принимались в период революции. Сен-Жюст лучше своих коллег представлял себе жизнь крестьян, но это не нашло никакого отражения в его законодательской деятельности, направленной на осуществление той этической утопии, в разработку которой он внес ничуть не меньший вклад, чем Робеспьер. Так, подготовленные им знаменитые вантозские декреты (то есть принятые в вантозе—шестом месяце революционного календаря), рассматриваемые рядом историков как вершина социальной политики робеспьеристов, были составлены в столь абстрактных категориях, что оказались совершенно неприменимы на практике.

Сложной и трагичной была в период "господства добродетели" судьба французских ученых. Подавляющее большинство их поддерживало революцию с первых дней и приняло в ней активное участие. Благодаря их помощи республика смогла преодолеть многочисленные трудности в оснащении своих армий и одержать по-

беды над неприятелем. Однако согласно мнению Руссо, которое полностью разделяли и робеспьеристы, наука не имеет сколь-нибудь значимой ценности по сравнению с "естественной" моралью. "Короли, от которых зависит судьба земли,—говорил Робеспьер,—не боятся ни великих геометров, ни великих художников, ни великих поэтов, а страшатся непреклонных философов и защитников человечества". Для установления "царства добродетели" научное знание не требовалось, надо было лишь постичь нравственный закон, заложенный от природы в сердце каждого человека, и поступать в соответствии с ним. "Непреклонный философ" Руссо указал этот путь людям, себя же робеспьеристы считали теми "защитниками человечества", которые повели свой народ именно по такому пути.

К науке Неподкупный и его сподвижники относились с нескрываемым пренебрежением. Робеспьер так говорил о ней в Конвенте: "Какое значение имеют для вас, законодатели, различные гипотезы, которыми ученые объясняют явления природы? Вы можете оставить все эти вопросы их вечным спорам ...в глазах законодателя все то, что полезно людям, и все то, что хорошо на практике, и есть истина". В период господства робеспьеристов для ученых наступили черные дни. Большинство исследовательских центров было закрыто или разгромлено. Многие ученые были арестованы по самым нелепым обвинениям (впрочем, сама по себе образованность в то время внушала подозрение). 8 мая 1794 г. великий химик Лавуазье был осужден и гильотинирован только за то, что до революции имел должность генерального откупщика. Рассказывали, что, произнеся приговор, Кофингаль добавил: "Республике ученые не нужны". В эпоху террора погибли на эшафоте астрономы Байи и Бошар де Сарон, ботаник Ламуаньон де Мальзерб, покончил жизнь самоубийством приговоренный к смерти математик Кондорсе, не выдержали ежеминутного ожидания ареста, заболели от нервного напряжения и умерли математик Дионис де Сежур и биолог Вик д'Азир.

Позднее бывший депутат Конвента Тибодо вспоминал: "Среди вождей революции были такие, кто рассматривал знания как нечто враждебное свободе, а науку—как дело аристократии... Они повторяли изощренные софизмы против наук, высказанные некоторыми сатириками; науки, говорили они, это—источник всех за-

блуждений, всех пороков и всех бед человечества, наиболее выдающиеся люди сами воспитывали себя, а не учились в университетах и академиях"

Взятый в целом умозрительный идеал робеспьеристов не отвечал подлинным чаяниям ни одного из сколько-нибудь значительных слоев французского общества. В реальной жизни находилось немного желающих следовать абстрактным нормам "естественной" морали. В бумагах Робеспьера сохранился листок бумаги, на котором Неподкупный составил список тех, кто, на его взгляд, обладал качествами истинного патриота-республиканца. Таковых набралось всего лишь чуть больше сотни. Тогда в письме младшему брату Робеспьер попросил сообщить, есть ли подобные люди в провинции. Но и ответ Огюста едва ли мог обрадовать: "Ты просишь список патриотов, обнаруженных мной по пути. Они очень редки, а может быть, честным людям мешает проявиться оцепенение, вызванное опасностью и гнетом, коим подвергается добродетель". Огюст сумел назвать только четырех человек, в том числе: "генерала Буонапарте". Данный эпизод наглядно продемонстрировал всю утопичность надежд на построение идеального "царства добродетели" обычными земными людьми, среди которых не часто встречались "истинные республиканцы".

Почти каждый шаг реального человека мог быть расценен как отклонение от норм "естественной" морали. Впрочем, это было бы нестрашно, если бы за нарушением этических требований следовало бы только моральное порицание, как и происходит в нормальной жизни. Однако трагедия состояла в том, что вся политика робеспьеристов была направлена на повсеместное утверждение их нравственных ценностей. Сама революция рассматривалась ими как смертельная схватка двух противоположных и непримиримых начал — Добродетели и Порока. Неподкупный так характеризовал эту коллизию: "Революция, которая стремится установить добродетель, — это лишь переход от царства преступления к царству справедливости; отсюда непрерывные усилия объединившихся против нас монархов и всех заговорщиков к тому, чтобы увековечить среди нас предрассудки и пороки монархии". При подобном взгляде на вещи любой поступок, не отвечавший жестким требованиям абстрактной этики, воспринимался как действие, направленное против республики. "В системе французской революции то, что явля-

ется безнравственным и неблагоприятным, то, что является развращающим,—все это контрреволюционно. Слабость, пороки, предрассудки—это путь королевской власти“,—утверждал Робеспьер.

Чем усерднее он и его сторонники пытались перенести свою утопию из заоблачного мира мечтаний на грешную землю, тем чаще реальные общественные отношения вступали в конфликт с умозрительным идеалом. Причину подобных противоречий робеспьеристы видели в “нравственной испорченности” части населения и в “происках контрреволюции”, а единственным средством разрешения конфликта между Добродетелью и Пороком считали террор. “Если движущей силой народного правления в период мира должны быть добродетели, то движущей силой народного правления в революционный период должны быть одновременно и добродетель, и террор“,—говорил Робеспьер в Конвенте. Стремление мечтателей ускорить продвижение общества к идеальному строю влекло за собой и усиление репрессий

Весной 1794 г. преследованиям подверглись и бывшие союзники Робеспьера из числа монтаньяров, не разделявшие его веры в грядущее “царство добродетели”. Знаменитый народный трибун Дантон, чья неукротимая энергия не раз спасала революцию в дни самых тяжких испытаний, одним из первых почувствовал, что под властью робеспьеристского триумvirата республике грозит опасность захлебнуться в крови тысяч невинных жертв. Дантон и его друг, известный журналист Демулен, герой славного дня 14 июля 1789 г., призвали Конвент создать Комитет милосердия для беспристрастного рассмотрения дел многочисленных заключенных, переполнивших парижские тюрьмы. Этого было достаточно, чтобы Робеспьер счел недавних соратников смертельными врагами. Дантон, Демулен, Эро де Сешель, автор конституции 1793 г (ее приняли, но отложили до мирных дней), а также ряд других видных монтаньяров предстали перед судом и были приговорены к смерти. Характерно, что обвинения, предъявленные им в Конвенте Сен-Жюстом (набросок его речи сделал сам Робеспьер), имели ярко выраженный этический оттенок “Слово “добродетель” вызывало смех Дантона... Как мог человек, которому всякая моральная идея чужда, быть защитником свободы?“—с возмущением писал Робеспьер.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что своего пика террор достиг, когда опасность республике извне была почти полностью ликвидирована, военные действия перенесены на территорию неприятеля, а внутри страны оказалась невозможной не только какая-либо политическая оппозиция, но и вполне лояльная критика властей. Чудовищный закон от 10 июля 1794 г. отменил защиту подсудимых и прочие "излишние" для революционного правосудия формальности. Выступая с докладом по данному законопроекту Кутон говорил: "Задержка в наказании врагов отечества не должна превышать времени необходимого для установления их личности. Речь идет не столько о том, чтобы наказать их, сколько о том, чтобы уничтожить". Этим же актом была окончательно легализована практика привлечения к ответственности за "моральные преступления". "Врагами народа" подлежавшими смертной казни, объявлялись, в частности те, "кто пытается ввести народ в заблуждение и мешает его просвещению, кто портит нравы и развращает общественное сознание, кто охлаждает энергию и чистоту революционных и республиканских принципов".

Казни происходили каждый день. Только в Париже ежедневно гильотинировали от 30 до 60 человек. Но и это не могло удовлетворить "защитников человечества". В мемуарах бывшего члена Комитета общественного спасения Барера описан такой случай: на одном из заседаний Комитета Сен-Жюст предложил новый способ истребления "аристократов" (так называли тех, кто не отвечал "истинно республиканским" меркам), а именно — использовать их на принудительных работах по строительству дорог; к счастью, его план не был принят. Впрочем, и те меры, что реально осуществлялись, представляли не что иное, как геноцид собственного народа. Государство, возглавлявшееся приверженцами утопии, вело войну против всего общества.

Только революция 9-го термидора II года республики (так в революционном календаре обозначался день 27 июля 1794 г.), совершенная в основном усилиями более реалистично мыслящей части монтаньяров, прежде всего сторонников Дантона, спасла Францию от кровавого "царства добродетели". Началось постепенное возвращение из заоблачного мира утопии на твердую почву реальности.

Таким образом, уже первая попытка осуществить в масштабах целой страны абстрактную схему идеального государственного устройства имела поистине катастрофические последствия. Казалось, сей страшный урок способен навсегда отбить желание перекраивать живую ткань общества по искусственной мерке. Ан нет, меньше чем через два года нашлись охотники повторить эксперимент, правда, по несколько измененной формуле.

“ЗАГОВОР РАВНЫХ”

28 июля 1794 г. головы Робеспьера и его ближайших сподвижников скатились с плеч на том же эшафоте, где ранее погибли сотни жертв их диктатуры. Париж встретил эту весть ликованием. Ужас великого террора остался позади. Но вскоре эйфория сменилась тревогой. Спуск из утопического “мира в облаках” на грешную землю оказался весьма тернист. Страна была отравлена насильем. Если в столице преследование лиц, запятнавших себя в эпоху террора тягчайшими злодеяниями, велось, за исключением первых послетермидорианских дней, в рамках закона, то на юге страны оно вылилось в стихийную охоту на террористов. Ненависть и страх, скопившиеся в человеческих душах в период “царства добродетели”, вырвались наружу, как лава из взорвавшегося вулкана, неся смерть не только подлинным преступникам, но очень часто и людям невиновным. Характерно, что наиболее широкий размах истребления революционных активистов и членов их семей приобрело в тех департаментах, где ранее террор был особенно жесток. Новым властям республики приходилось решать сложнейшую задачу: постепенно демонтируя чудовищный аппарат государственного насилия, что конечно же вызывало упорное сопротивление “революционной бюрократии”, правительство в то же время пыталось воспрепятствовать расправам населения над террористами, ибо слепым гневом народа нередко пользовались в своих интересах сторонники свергнутой монархии.

Трудности переходного этапа усугублялись осложнением экономической ситуации. Окончательный отказ от прямого вмешательства государства в экономику и отмена законодательно установленного “максимума” привели к быстрой инфляции и значи-

тельному росту цен. Парижский плебс ропотом встретил такой поворот событий. За время революции многие санкюлоты отвыкли от повседневного производительного труда и предпочитали ему политическую деятельность. Чувствуя свою силу, они нередко диктовали сменяющим друг друга правительствам собственную волю, предъявляя иногда откровенно эгоистические требования. Робеспьеристы, хотя и держали твердой рукой массу в повиновении, но при этом развращали ее грубой лестью, называя подлинной носительницей добродетели. Какое дело было толпе до того, что действие "максимума" катастрофически разрушало экономику, что с каждым днем для снабжения городов продовольствием приходилось применять все более жестокое насилие по отношению к крестьянам, заставляя их за бесценок продавать выращенный в поте лица хлеб? Надо отметить, что и при "максимуме" питание городского плебса было весьма скудным, однако тогда санкюлот знал, что, поприбавив на собрании граждан своей секции (так назывались районы Парижа) и получив за это положенное денежное вознаграждение, он не останется без средств к существованию. Свободная же игра цен не оставляла времени на посещение собраний, вынуждая к ежедневному упорному труду. Быстрого и безболезненного выхода из экономического кризиса не предвиделось. Но народ, привыкший к демагогическим обещаниям, на которые прежде не скупился все заигрывавшие с ним политики, жаждал чуда и скорого избавления от тягот.

Еще древние предупреждали о крайнем непостоянстве и переменчивости настроений масс. История снова подтверждала эту истину. Вроде бы совсем недавно парижский ремесленник дрожал, заслышав ночью стук прикладов на улице и шаги жандармов: "За кем пришли сегодня?!" Только вчера он ликовал при виде повозки, везущей на казнь ставшего ненавистным Робеспьера. А уже сегодня пустой желудок заставляет его ворчать: "При Робеспьере лилась кровь, но был хлеб, сейчас кровь не льется и хлеба нет, значит, чтобы был хлеб, нужно лить кровь".

Уже весной 1795 г в низах общества все чаще раздавались голоса, оправдывавшие робеспьеристов и сожалевшие о крахе их дела. Уходивший все дальше в прошлое великий террор кому-то уже не казался столь ужасным, как ранее. Радикальные публицисты, среди которых встречалось немало активных деятелей терро-

ристического режима, и вовсе идеализировали правление Неподкупного, подстрекая народ вернуться к прежним порядкам. В апреле и мае 1795 г. предместья Парижа дважды поднимали восстания, требуя вернуть "максимум" и ввести в действие конституцию 1793 г. Конвенту пришлось пойти на жесткие меры для восстановления порядка. Пролилась кровь. Многие еще остававшиеся на свободе террористы были отправлены в тюрьмы. Однако и в заключении они продолжали поддерживать между собой тесные связи, вынашивая планы реванша. Не удивительно, что, выйдя на свободу по амнистии осенью 1795 г., они тут же принялись конспирировать против Директории—нового правительства Франции.

В такой вот обстановке и зародилось первое революционное коммунистическое движение, вошедшее в историю как "заговор равных". Руководителем и вдохновителем его стал Гракх Бабёф. Этот мелкий клерк из Пикардии с первых дней революции бросил службу, сделав политикой своей единственной профессией. Его бурная деятельность и радикальные взгляды принесли ему известность не только на родине, но и в столице. В событиях эпохи террора принять участия Бабёфу не довелось, так как в этот период он находился в тюрьме по обвинению в подделке финансовых документов. Освобожденный термидорианской революцией, он основал газету, в которой разоблачал преступления террористического режима, заслужив прозвище "Атилла робеспьеристов". Правда, он порицал Неподкупного лишь за репрессии против представителей низов общества, полностью одобряя истребление имущих. Однако постепенно от критики Робеспьера Бабёф перешел к апологетике, поссорился с термидорианскими властями и стал одним из наиболее активных публицистов, подстрекавших массы к антиправительственным выступлениям. Оказавшись в тюрьме, он нашел там немало единомышленников, которые после амнистии и составили ядро заговора. В их числе были такие приверженцы Робеспьера, как Филипп Буонарроти (комиссар Конвента на Средиземноморском побережье), Дарте (зять и сподручный свирепого Лебона, общественный обвинитель при революционных трибуналах Арраса и Камбрэ), отец и сын Дюпле (в их доме Неподкупный жил до самой смерти), присяжные революционного трибунала Дидье и Клеман, а также ряд других активных деятелей революции.

Сначала Бабёф и его единомышленники пытались объединить своих сторонников вокруг политического клуба "Пантеон", число членов которого вскоре достигло двух тысяч. Однако правительство вовремя пресекло их деятельность 28 февраля 1796 г. генерал Бонапарт закрыл клуб. Тогда в конце марта бабувисты (так позднее стали называть последователей Бабёфа) создали "Тайную директорию"—орган подготовки восстания и руководства им. Заговорщики соблюдали строгую конспирацию. Парижская организация "равных" делилась на 12 округов, возглавлявшихся тайными агентами, которые не знали имен ни членов "Тайной директории", ни друг друга. Связь между руководством и агентами в округах поддерживал особый связной. Он же передавал приказы "Тайной директории" военному комитету, состоявшему из армейских офицеров и генералов.

Бабувисты развернули широкую антиправительственную агитацию в мастерских, военных и полицейских частях, кафе и клубах. Они выпускали газеты "Народный трибун", "Просветитель народа", "Газету свободных людей", наводнили Париж листовками и брошюрами, пропагандировали свои идеи в распространяемых среди народа песнях. Накануне вооруженного выступления "равные" заключили союз с подпольной организацией бывших яacobинцев, также готовивших восстание.

О том, чем хотели осчастливить своих многострадальных соотечественников эти новые реформаторы, мы можем узнать из проектов законов, которые они хотели ввести после победы, из сочинений Бабёфа и Марешаля, поэта, члена "Тайной директории", воспоминаний Буонарроти. Если робеспьеристы хотели преобразовать общество путем установления новой морали, то бабувисты, хотя и отдавали дань столь характерному для XVIII в. увлечению этическими проблемами, все же основное внимание уделяли социально-экономическим отношениям. В отличие от Робеспьера Бабёф был последователем не столько Руссо, чьи идеи он, правда, знал и ценил, сколько Морелли. Бабёф резко порицал социальное неравенство, в том числе имущественное. "Природа,—утверждал он—дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами. Цель общества—защитить это равенство". Предложенный бабувистами строй, где не будет социальных пороков, во многом напоминал проект "Кодекса природы".

Идеальное государство "равных" предполагало упразднение частной и установление общественной собственности "Каждый член национальной общины обязан сй своим трудом в области сельского хозяйства и полезных ремесел" ю возраста 60 лет, гово- рилось в проекте "Экономического декрета" Рабочее время опре- делялось бы законом, как и та доля продукта, которая полагалась бы каждому работнику Все произведенное в мастерских и на по- тях сдавалось бы в государственные хранилища Денежное обра- щение и торговля строго настроено запрещались ("член националь- ной общины хранящий деньги, карается по закону") Пропита- ние граждане получали бы только в округе своего проживания на общественных трансеах, присутствие на которых было бы обяза- тельно для всех

Социальный идеал бабувистов предусматривал жесточайшую уравниловку в распределении предполагалось снабжать граждан лишь самым необходимым минимумом материальных благ ("обеспечить каждому человеку и его потомству, сколь бы много- численно оно ни было, достаток и ничего кроме достатка") Стремление к абсолютному равенству Бабёф и его сторонники до- вели почти до абсурда, ибо в жертву этому принципу они припо- сили все без исключения, в том числе, как это ни покажется странным, даже залог процветания общества—производительность труда Бабёф считал "Даже тот, кто доказал бы, что в состоянии благодаря своим природным способностям сделать столько же, сколько делают четверо, и на этом основании потребовал бы воз- награждения за четверых, был бы все же заговорщиком против об- щества, ибо уже одним этим поколебал бы его равновесие и разру- шил бы драгоценное равенство Благоразумие повелительно требу- ет от всех членов общества укрощать такого человека, преследо- вать его как общественное бедствие, обязывать его делать только то, что производит один, чтобы он мог требовать вознаграждения, причитающегося только одному человеку"

Подобная система не только создала бы одинаковые для всех условия жизни, но и должна была нивелировать способности и личные качества всех членов общества Бабёф это откровенно при- знавал "Общественные учреждения должны вести к тому, чтобы навсегда отнять надежду у каждого стать более богатым, более

влиятельным, превосходящим своими знаниями кого-либо из своих сограждан"

К духовным потребностям, которые, собственно говоря, только и выделяют человека из мира животных, "равные" относились с нескрываемым презрением. По мнению Бабёфа, "только общественный предассудок придает особую ценность умственному развитию; нужно еще, возможно, выяснить, не заслуживает ли ее в той же мере чисто природная сила, физический труд". Бабувистам было чуждо понимание непреходящего значения культурных ценностей. В произведениях искусства они видели исключительно предметы роскоши, которой не найдется места в обществе будущего. В одном из пропагандистских документов, обращенных к народу, задавался такой риторический вопрос "Разве была бы у нас потребность в быющем в глаза искусстве и в мишуре роскоши, если бы мы имели счастье жить под сенью законов равенства?" Марешаль писал в "Манифесте равных", "Пусть погибнут, если надо, все искусства, только бы нам осталось подлинное равенство!" Впрочем, не все заговорщики были в этом вопросе такими максималистами. Некоторые из них считали, что отдельные виды искусства, доступные простому народу и имеющие прикладное значение, все же надо оставить.

Столь решительная перекройка всех сфер социальной жизни, простиравшаяся вплоть до прямого общественного воздействия на внутренний мир каждого человека, требовала тотального контроля и жесточайшей государственной регламентации. Как и утопия Морелли, бабувистский проект предусматривал все необходимые для этого институты. Франция подлежала делению на департаменты, округа, коммуны. Во главе каждой территориальной единицы предполагалось поставить выборную администрацию. Кроме того, особые должностные лица руководили бы "классами", на которые делилось бы население по профессиональной принадлежности. В задачу государственных органов входило бы распределение между гражданами произведенной продукции, надзор за соблюдением каждым своих трудовых обязанностей, управление экономикой, осуществление внешних связей, руководство вооруженными силами, наблюдение за настроением и поведением граждан, назначение наказаний провинившимся. Житель такого государства ежеминутно ощущал бы себя под недреманным оком властей. А чтобы

он не мог выскользнуть из под надзора, его лишили бы права на свободное перемещение по стране

Для поддержания благонамеренных настроений в обществе проскри бабувистов предполагал самые различные меры. Так, к научной и преподавательской деятельности допускались бы только лица, получившие у администрации особые свидетельства о гражданстве. Предусматривались и более жесткие средства воздействия: "Верховная администрация осуждает на принудительные работы под надзором указываемых ею общин лиц обоего пола, подающих обществу опасный пример отсутствия у них гражданских чувств, праздности, роскоши и распутства"

Каким же образом хотели заговорщики заманить целую нацию в подобную "казарму"? Интересно отметить, что они не считали целесообразным раскрывать в момент выступления столь далеко идущие планы. Захват власти должен был проходить под лозунгом восстановления конституции 1793 г. и сопровождаться бесплатной раздачей хлеба населению. После свержения правящей Директории намечалось провозгласить руководителей заговора новой властью. Достигнув же заветной цели, бабувисты, как ранее якобинцы, отложили бы введение демократической конституции до "мирных времен". На время перехода к совершенному строю они хотели установить диктатуру, опирающуюся на беспощадное насилие, которое должно было стать основным средством возведения идеального общества.

В том, что касалось способов осуществления социального идеала, Бабёф был прилежным учеником Робеспьера. Для вожака "равных" характерны такое же презрение к жизни отдельных людей, когда речь идет о "всеобщем благе", такая же неразборчивость в средствах, какие отличали и Неподкупного. Не удивительно, что при подготовке заговора Бабёф в своих сочинениях полностью оправдывал "революционной необходимостью" предпринимавшиеся робеспьеристами репрессии невинных людей. В одном из писем Бабёф так отзывался о Робеспьере: "Представляю себе, что он мог сказать, "Уберем с дороги этих путающихся под ногами пигмеев вместе с их добрыми намерениями". По-моему, он поступил правильно. Спасению 25 млн. человек нельзя противопоставить заботу о нескольких сомнительных личностях. Возродитель нации должен видеть вещи в широкой перспективе. Он дол-

жен косить на своем пути все, что ему мешает, что загромождает этот путь, все, что может затруднить скорейшее достижение цели которую он себе поставил"

Разумеется, такие откровения не предназначались для широкой публики. Постепенно готовя общественное мнение к будущим жестоким мерам своего правительства, бабувисты в пропаганде, рассчитанной на массы, старались приукрасить период господства робеспьеристов, тщательно затушевывая его уродливые стороны. "Несколько злоупотреблений, несколько актов произвола, неизбежно сопутствующих великой революции, наложили кой-какие пятна на великие и славные события первых лет республики",—говорилось в одном из обращений "равных" к народу. Еще дальше в восхвалении эпохи террора зашел Марешаль

Марат, Сен-Жюст и Робеспьер,
Мы чтим вас, о Ликурги наши!
Ведь жизнь от ваших мудрых мер
Уж становилась легче, краше

Этим "мудрым мерам" бабувисты хотели подражать и в своей практической деятельности. Накануне восстания они уже имели проект постановления, предписывавшего физически уничтожить носителей высшей законодательной и исполнительной власти. После установления диктатуры заговорщики намеревались создать и разместить в разных концах страны несколько армий, предназначенных "поддерживать спокойствие защищать республиканцев и благоприятствовать преобразованиям". Ряд отдаленных островов стал бы местом исправительного труда. Эти меры должны были обеспечить беспрепятственное создание "национальной общины" на "добровольных" началах. Согласно плану бабувистов каждый человек вправе был сам решать, вступать ему в "общину" или нет, но отказавшихся ожидало лишение гражданских прав, обложение специальным налогом, ежегодно возрастающим вдвое, изъятие "в случае необходимости" имеющихся у них "излишков" продовольствия или промышленных товаров. Похоже, в своих проектах "равные" добросовестно следовали упоминавшемуся выше совету Морелли об установлении "строгой власти укрощающей первые неудовольствия и принуждающей вначале к обязанностям, которые

впоследствии становятся легкими" Но если рекомендация Морелли носила чисто гипотетический характер, то деятельность робеспьеристов во главе революционного правительства дала "равным" наглядный пример, как при помощи насилия воплощать в жизнь умоизмерительную схему совершенного строя.

Можно только догадываться о том, какие еще невзгоды выпали бы на долю французов, если бы движение бабувистов увенчалось успехом. Но накануне восстания один из членов военного комитета выдал "Тайную директорию" полиции. Попытки оставшихся на свободе заговорщиков организовать вооруженное выступление за кончились провалом. В мае 1797 г. по приговору суда Бабёф и Дартс были казнены, семеро их товарищей приговорены к ссылке, остальные за недостатком улик оправданы. Многие из тех, кто остался в живых, позднее принимали участие в работе всевозможных тайных революционных организаций, ставших с той поры неотъемлемым атрибутом политической жизни Франции и всей Европы в Новое время.

Вслед за Робеспьером Бабёф намеревался войти в реку крови, надеясь на другом ее берегу увидеть обетованную землю идеального общества, обещанного философами Просвещения. Но опору себе он искал не в туманных понятиях "естественной" морали, а в простейших, биологических потребностях человека, указав тем самым путь, по которому в дальнейшем пошли представители всех течений уравнилельного, "казарменного" коммунизма.

* * *

Словно средневековые алхимики, колдовавшие над ретортами в надежде осуществить мечту о философском камне, мыслители эпохи Просвещения, ослепленные верой в безграничные способности людей и возомнившие себя равными Богу, пытались вывести из "чистого разума" идеально совершенный проект общества будущего. Но когда колба, скрывавшая этого гомункула, разбилась, человечество застыло в ужасе, увидев, во что обратилась прекрасная идея. Однако исправить случившееся было уже невозможно. Выйдя из кровавой купели Французской революции, призрак революционного утопизма начал свой путь по свету

ЛИТЕРАТУРА

- Библия.
Августин, епископ иппонийский Творения — В 8 т. — Киев, 1901—1915.
Б а б ё ф Г Сочинения.—В 4 т.—М., 1975—1982.
Б у о н а р р о т и Ф. Заговор во имя равенства —В 2 т.—М., 1958.
В о л ь т е р Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма.—В 2 т.—М., 1961.
В о л ь т е р. Избранные произведения.—М., 1947
Г о л ь б а х П. А. Избранные произведения.—В 2 т.—М., 1963.
Г е л ь в е ц и й К. А. Сочинения.—В 2 т.—М., 1973—1974.
Д е ш а н Л. М. Истина, или Истинная система.—М., 1973.
Д и д р о Д. Собрание сочинений.—В 10 т.—М.—Л., 1985—1947.
Л а м е т р и Ж. О. Сочинения.—М., 1983
М а р е ш а л ь С. Избранные атеистические произведения.—М., 1958.
М е л ь е Ж. Завещание.—В 3 т.—М., 1954.
М о р е л ь и. Кодекс природы, или Истинный дух ее законов.—М., 1956.
М о н т е с ь е Ш. Избранные произведения:—М., 1955.
Р о б е с ь е р М. Избранные произведения.—В 3 т.—М., 1965.
Р у с с о Ж. Ж. Трактаты.—М., 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
Слепящий свет Разума.	4
Загадка Морелли	11
Парадоксы Руссо	21
Кюре-безбожник	31
Царство добродетели	40
"Заговор равных"	53

Научно-популярное издание

ЧУДИНОВ Александр Викторович
У ИСТОКОВ РЕВОЛЮЦИОННОГО УТОПИЗМА

Заведующий редакцией Ю. Н. Медведев

Редактор В. Р. Быстров

Мл. редактор Т. А. Тарасова

Худож. редактор М. А. Гусева

Техн. редактор А. М. Красавина

Корректор Л. В. Иванова

ИБ № 11643

Сдано в набор 18.02.91. Подписано к печати 12.05.91. Формат бумаги 84X108^{1/32}. Бумага тип. № 2 Гарнитура "Таймс" Печать высокая
Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,89. Уч.-изд. л. 3,44. Тираж 9037 экз.
Заказ 249. Цена 40 коп. Издательство "Знание". 101835, ГСП, Москва,
Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 911305.
Типография Всесоюзного общества "Знание". Москва, Центр, Новая пл.,
д. 3/4.

Дорогой читатель!

Брошюры этой серии в розничную продажу не поступают, поэтому своевременно оформляйте подписку.

Подписка на брошюры издательства «Знание» ежеквартальная, принимается в любом отделении «Союзпечати».

Напоминаем Вам, что сведения о подписке Вы можете найти в каталоге «Всесоюзные газеты и журналы» в разделе «Подписные серии издательства «Знание».

ЗНАНИЕ

Цена подписки
на год

4 руб. 80 коп.

Издательство
«Знание»

Наш адрес:
101835,
Москва, Центр,
проезд Серова, 4